

Геннадий Шичко в оригинале

Леонид Семин, Геннадий Шичко

Горбатый

Больной, лечившийся от алкоголизма, предоставил авторам дневник, который он вел в период своего лечения. Пояснения лечащего врача, набранные здесь особым шрифтом, также легли в основу этого повествования.

Публикуя эту повесть, редакция видит свою задачу в том, чтобы предостеречь читателей, в особенности молодежь, от опасного общения с алкоголем.

СТАКАН

Человек – это сумма убеждений

Вокруг метода Шичко не утихают споры. Есть даже мнение, что такого метода не существует вообще (!?). Слишком рано ушел от нас Геннадий Андреевич...

Кто-то скупко и четко
Отсчитал нам часы.
В нашей жизни короткой,
Как бетон полосы.

Он спешил, спешил помогать людям, спешил делать добро. Он многое не успел, не успел издать то, над чем трудился, к чему шел всю жизнь. Не успел, не потому что не хотел. Не успел, потому что, видя погибающего, не мог закрыться от него дверью квартиры и сказать: «Не мешай». Его любящее сердце не могло смириться с гибелью людей. Не может смириться и наше.

Предлагаем тебе пройти путь, по которому шел сам автор метода.

ГИПНОЗ * —> ВДУШЕНИЕ** —> УБЕЖДЕНИЕ

Повесть “Горбатый стакан” была написана писателем Леонидом Семиным в соавторстве с Геннадием Шичко в 1971 году и напечатана в журнале “Аврора” № 7, 8 за 1971 год. Писатель обратился за помощью по причине алкоголизма весной 1970 года, и все что здесь написано происходило на самом деле с автором. Если внимательно читать самого Шичко, то видно, что он еще не открыл свой метод. Но кто-то, прочитав, скажет: «Но ведь это же и есть метод Шичко! Ведь это же Шичко занимался гипнозом!?» Это похоже на то, как взять у Менделеева черновик, когда он шел к своему открытию и сказать: «Вот это таблица Менделеева! Ведь это же Менделеев писал!» Еще раз вернемся к этапам, по которым шел Геннадий Шичко.

ГИПНОЗ * —> ВДУШЕНИЕ** —> УБЕЖДЕНИЕ

Как мы знаем, при внушении в состоянии гипноза, человеком можно управлять. Внушением при состоянии бодрствования так же можно достичь успеха, но до тех пор, пока пациент не поймет обман, или ему кто-то «по пьянке не раскроет секрет». Вот так Вольф Мессинг описывает свой опыт внушения в состоянии бодрствования. По праву Мессинга можно назвать пионером кодирования.

Будет неправильно, если я умолчу в своей книге о том, что гипноз я нередко использовал для лечения психических болезней. Делал я это и в те далекие времена, когда абсолютно не знал ничего о сущности гипноза, не знал научных рекомендаций, руководствуясь лишь здравым смыслом. Возможно, что рассказанное мной встретит возражения специалистов, возможно, меня упрекнут в неправильных действиях, но что было, то было.

У одного польского графа началось неприятное для окружающих и очень странное заболевание. Ему представилось, что в голове свили себе гнездо... голуби. Да, обыкновенные голуби, сизари...

Одна из форм сумасшествия? Да. Навязчивая идея: «У меня в голове голубиное гнездо...»

Обращались к врачам. Но у графа был трудный характер, и лечиться он отказывался: ему казалось, что его любыми средствами стремятся заманить на операцию, во время которой разрежут голову пополам. Тогда обратились ко мне. Я не стал убеждать больного, обращаясь к его здравому смыслу, что в голове голуби жить не могут. Наоборот, я принес с собой на первую же встречу длинную блестящую трубу на треноге – вроде переносного телескопа – с какими-то колесиками и винтиками. Установил ее и посмотрел сквозь эту трубу на голову больного.

*в академическом смысле это выражение неверное, здесь имеется в виду внушение в состоянии гипноза.

**здесь в состоянии бодрствования (примеч. издателя)

- *Да, граф, - сказал я, - вы правы. У вас в голове – голубиное гнездо. И – преогромное. Целая голубятня!*
- *А разве я сомневаюсь в этом? И день и ночь крыльями хлопают... А тут как-то к ним кошка забралась! Вот переполох был. Я думал, у меня голова лопнет...*
- *Могу выгнать ваших ненормальных жильцов, и притом так, что они не вернуться.*
- *Буду весьма обязан...*
Еще раз посмотрев в трубу, «пересчитав голубей», «прикинув», как лучше их выгнать, я вернулся домой.
На другой день граф прислал за мной с раннего утра.
- *Вывелись птенцы – голубята! – объявил он почти радостно.*
Снова пошла в ход труба – кстати, в ней не было даже оптического стеклышка. Выведение птенцов было подтверждено.
На другой день была назначена решительная «чистка» графской головы-голубятни...
Заранее договорившись с родственниками графа, я провел в сад трех моих помощников с живыми голубями в руках. Завязав больному глаза, свел и его вниз. По моему знаку один из помощников выпустил голубя – я выстрелил перед лицом больного из пистолета. Затем, достав из кармана заранее подстреленного голубя, сунул ему в руку.
- *Один готов, - сказал я. – Если бы я его не застрелил в воздухе, он мог бы вернуться. А теперь – шалишь! Все кончено...*
Так повторялось еще два раза. Затем «выскочили» – просто от страха перед выстрелами – и новорожденные голуби...
Потом я позволил больному снять с лица повязку и открыть глаза.
Он собственноручно в моем присутствии закопал трупки бедных птичек под гигантским, развесистым дубом в своем парке.
Голова у него оставалась «чистой» в течение нескольких лет, пока суть происшедшего не раскрыл ему один близкий знакомый, полагая, что граф излечился навсегда. Узнав истину, тот с криком схватился за голову...
*Голуби с тех пор «жили» в ней у него до самой смерти. Думаю, средств вторично излечить его уже не было...**

Заметь, граф верил, что он здоров. Точно так же люди верят, что эта настойка или эти уколы и таблетки и т.д. вылечат их от курения, алкоголизма, наркомании. Любой из таких препаратов действует только при внушении в состоянии бодрствования. Перед тем, как дать тот или иной порошок, человеку ВНУШАЮТ, что, выпив «чудо-препарат», он исцелится. Любое такое «изделие» попадает в желудок, затем в кровь, которая разносит «лекарство» по всему телу, и через некоторое время оно покидает кровь и вообще наш организм, никаким образом не меняя наше сознание. Если человеку подсыпать такие таблетки тайно, т.е. без внушения, эффект достигнут не будет. «Больной» станет принимать это, как обычную пищу. («Тайные-чудо-таблетки – реклама для простодушных людей). К сожалению, некоторые руководители клубов, ведущие занятия по методу Шичко используют порошки от наркомании, спец.травы от алкоголизма и лейкопластыри от курения и т.д.

Если это по незнанию, тогда еще можно понять, но если знают и делают, это преступление! Благотворительный фонд имени Геннадия Шичко никому не запрещает использовать «добавки», мы против использования этого в методе Шичко. Еще раз повторяем – это преступление – использовать «добавки» и «спец.травы» в методе Шичко.

Еще раз повторяем – это преступление – использовать «добавки» и «спец.травы» в методе Шичко.

Если ты увидишь, что тебе дают спец.траву или порошок, называя это методом Шичко, знай – ты имеешь дело с шарлатаном, необходимо сразу покинуть собрание или клубы, в которых ты случайно оказался, и в которых тебя в очередной раз обманули. Но пока у нас с тобой 1970 год. Сам автор метода еще питейно запрограммирован. Не верится, но это так, вот что об этом пишет его жена и соратница Люция Павловна:

*Из воспоминаний Вольфа Мессинга в книге «Феномен – «Д»

«Геннадий Андреевич подарил Семину часы, чтобы они отсчитывали новое время, но увы, часы отсчитали лишь семь месяцев. Из них полгода Семин готовился к своему дню рождения. Закупал алкоголь. Самыми разными бутылками заполнил шкаф. Мечтал всех угостить на славу. Мы с Геннадием были на этом торжестве. Гостей собралось много, и все пили. Пила жена. Стаканами водку пила молоденькая дочь. И пила совсем юная падчерица. Не пил лишь хозяин, - и я не пила из солидарности с ним. Семин был благодушно настроен и с удовольствием разливал вино, водку, коньяк. По дороге Геннадий Андреевич много говорил о Семине.

- *Ты знаешь, он очень изменился, помолодел, похорошел, у него появилось чувство собственного достоинства и благородство во всем его облике. Теперь немыслимо представить, что этот человек когда-то пил. Если бы я догадался сфотографировать его тогда и вот теперь, он бы и сам себя не узнал. Кстати, это делать необходимо.*
- *Да, он очень изменился, и особенно это заметно на фоне его пьющих гостей. Сегодня и ты, Геннуша, удивил. Сначала меня поразили его близкие, выходит, у него их нет. В одиночку бьется. И ты не поддержал. Мне кажется, нелогично другим говорить «не пей», и пить самому, у них же на глазах.*

*Должна сказать, застолье у Семиных для меня было первым трезвым, а для Геннадия Андреевича последним пьяным».**

Семин продержался после дня рождения еще два месяца, потом запил. По рассказам Люции Павловны, он приходил к Шичко пьяным даже ночью. Иногда приезжал на такси и Геннадий Андреевич рассчитывался с шофером... И... снова помогал писателю, который спустя некоторое время уходил в запой и приходил за помощью. В конце концов, он умер от такой жизни, не дожив до пенсии.** И все же борьба за жизнь Семина оказалась не напрасной, как пишет Люция Павловна: «Но зато Семин подвинул Геннадия Андреевича к его открытию». И так Семина нет, а Геннадий Шичко бессонными ночами ищет выход – как сделать так, чтобы этого не повторилось? Мозг ученого не знавший отдыха, работает день и ночь. Геннадий Андреевич упорно идет к своему открытию. Когда оно произойдет? Когда Шичко откажется от внушения в состоянии гипноза и перейдет на внушение в состоянии бодрствования? Когда откажется от внушения и перейдет на убеждение, где принцип сингулизма*** в отношении гипнабельности и внушаемости не играет существенной роли? Какие индивидуальные особенности надо учитывать при убеждении? Об этом наши дальнейшие публикации в книгах из серии «Геннадий Шичко в оригинале».

1. «Вторая сигнальная система и ее физиологические механизмы», М: Медицина, 1969г.
2. «Горбатый стакан», 1971г.
3. «Разработка индивидуального психофизиологического подхода к избавлению от алкоголизма». Научный отчет за 1980-1981 г.
4. Последние публикации в рукописях и газетах, 1982-1986 г.

* Л.П.Дроздова «Слово есть Бог», М:Редактор, 1994 г.

** точную дату смерти Семина Люция Павловна не помнит, примерно 1973-1975.

***принцип сингулизма – принцип учета индивидуальных особенностей человека.

Горбатый

Больной, лечившийся от алкоголизма, предоставил авторам дневник, который он вел в период своего лечения. Пояснения лечащего врача, набранные здесь особым шрифтом, также легли в основу этого повествования.

Публикуя эту повесть, редакция видит свою задачу в том, чтобы предостеречь читателей, в особенности молодежь, от опасного общения с алкоголем.

СТАКАН

Идти туда было страшновато. Настораживал метод лечения, совершенно незнакомый, - гипноз. Но я алкоголик, и терять мне нечего: мою персону знают во многих больницах. Позади такие, как Пятая психиатрическая со своим знаменитым отделением для хроников. Искаженные физиономии тех, кто когда-то был полноценным человеком, наверное, запечатлелись в моем мозгу навсегда. Жаль этих бедняг и обидно, что стали они такими из-за зеленого змия. Позади и небезызвестная Пряжка. Теперь, правда, она именуется иначе, но старое название прилипло к ней намертво. К моему счастью, я выбрался оттуда довольно скоро благодаря заботам доброго доктора Николая Алексеевича. А между тем, есть там люди с огромным стажем. Один профессор математики пребывает в оном учреждении семнадцать лет и все эти долгие-предолгие годы упорно, неистово решает какую-то задачу. Сотни тетрадей исписаны иксами и игреками, плюсами и минусами, интегралами и дифференциалами, а задача пока не решена и, надо полагать, решена никогда не будет. Самый старейший тамошний обитатель мог бы в этом году отметить своеобразный юбилей – тридцатилетие пребывания в больнице. Все его родственники давно умерли. Впрочем, он никого и не помнит. Да и его, в прошлом газетного репортера, в свое время преуспевавшего, но, к несчастью, пристрастившегося к алкоголю, тоже никто теперь не помнит.

Кстати, в тех больницах, где я побывал, работают замечательные люди, но труд их порой почти незаметен. Психиатрия, говорят они, пока самая малоизученная область медицины. Может быть, это так. По крайней мере, относясь ко мне исключительно тепло, тот же Николай Алексеевич ничего не мог поделать с моим недугом.

И вот теперь предстоит нечто новое. Не уколы, не тетурамовые таблетки, - со мной будет возиться доктор-гипнотизер.

Сегодня я немного ожил: появилась надежда, маленькая, едва заметная надежда на спасение.

Сегодня я немного ожил: появилась надежда, маленькая, едва заметная надежда на спасение.

Она подняла мое настроение, пробудила давно уснувшее стремление жить, трудиться, бороться. Удивительно, как мало нужно человеку, чтобы избавить его от сознания собственной обреченности, поднять самочувствие и вселить надежду на лучшее будущее!

Удивительно, как мало нужно человеку, чтобы избавить его от сознания собственной обреченности, поднять самочувствие и вселить надежду на лучшее будущее!

Ведь только вчера я считал, что невозвратно «пропил» свои способности, знания, трудолюбие, даже совесть и честь, «пропил» свою жизнь. Еще вчера я думал только об одном: как-нибудь протянуть год или несколько месяцев, немного наладить семейные отношения, поставить на ноги дочь, а там можно и свернуть свои земные дела, однажды мертвецки напиться и уйти в ничто...

Я давно устал пить и лечиться. Некоторым счастливицам повезло, они после одного-двух курсов лечения переставали пьянствовать. Я же какой-то невезучий. Видимо, организм так сроднился с водкой, что никакие лекарства не могут разрушить это родство. Я потерял веру в излечение и дал себе слово никогда больше не обращаться за помощью к врачам. Но вот недавно моя землячка сообщила, что есть доктор, который успешно лечит нашего брата гипнозом. Клавдия горячо и настойчиво советовала мне подумать, убеждала в том, что «так просто» уходить из жизни преступно и недостойно.

- Подумай только, - возмущалась она, - ты же бывший блокадник, офицер-фронтовик, такие ужасы прошел – и выстоял, а теперь из-за какой-то поганой водки погибаешь! Позор!

Я все равно отказывался. Говорил, что давно уже потерял надежду, что никакие лекарства на меня не действуют.

Клавдия уехала ни с чем, но от своей мысли не отказалась. Не прошло и трех дней, как она приехала снова. Я еле удержался, чтоб не взорваться и не поссориться с нею: как мог, спокойно заявил, что не намерен ни к кому обращаться, и хватит на эту тему со мной разговаривать.

Тогда на помощь ей пришли мои жена и дочь. Я твердо стоял на своем. Мы долго спорили, потом стали ругаться, а когда перешли к оскорблениям, мне дьявольски захотелось выпить.

- Ладно, выпить сейчас принесем, - сказала Клавдия и мигнула дочке: мол, сходи. А сама продолжала свое. Говорила, что гипноз – самый эффективный способ лечения алкоголиков и совсем безвредный, что доктор этот никаких лекарств не применяет, что он быстро ставит на ноги даже самых закоренелых пьяниц.

«Преувеличивает, - в бессильной ярости размышлял я. – Ну, хорошо. Пойду к этому гипнотизеру, а потом напьюсь. Пусть Клавдушка полюбуется, как он поставил меня на ноги».

- Ладно, мрачно кивнул я. – Схожу.

Но тут выяснилось, что к нему попасть очень трудно.

Я вытаращил на нее злые глаза:

- Какого же черта вы пристали ко мне, если к вашему доктору не попасть?!

- Не ори! Я договорилась, он тебя примет. Рассказала ему твою военную биографию и все твои несчастья, он и согласился. Кстати, во время лечения доктор не запрещает пить. Он как будто даже рекомендует держать алкогольные напитки и при желании пользоваться ими. Да ты сам не захочешь!

«Вот это меня устраивает!» – чуть не воскликнул я, невероятно заинтересованный ее сообщением. Вскоре дочь вернулась из гастронома, мы мирно поужинали. Я долго не мог заснуть, размышляя о предстоящей последней попытке вырваться из крепких объятий Бахуса...

Утром самочувствие было хорошее. Главное, появилась решимость – ее давно уже мне не доставало. Я как бы видел перед собой в волнах спасательный круг: может, на сей раз мне удастся доплыть до того заветного берега, который называется нормальной жизнью и который я когда-то покинул, - пусть даже ослабленным и больным, но добраться.

Землячка, между прочим, говорила вчера, что доктор требует от своих пациентов подробного описания болезни и аккуратного ведения дневника. Но ведь история моего пьянства слишком обширна, и за несколько часов ее не только подробно, но и бегло не изложить. Поэтому решил сегодня же начать дневник, а историей займусь после беседы с доктором. Интересно, как же это так: он разрешает пить, а я сам не захочу?

Да, идти к доктору было страшновато. Я волновался, как студент перед экзаменом, от назойливой мысли: поддамся ли гипнозу? Внушение, самовнушение – об этих вещах у меня очень смутное представление. Признаться, мне уже трудно во что-либо верить, если даже страшный тетурам не помог. Как же может доктор внушить, что водка отравы, яд, и пить ее мне нельзя?

Как же может доктор внушить, что водка отравя, яд, и пить ее мне нельзя?

Ничего не понимаю! Как же это я не захочу ее пить? Лишь потому, что она отравя? Да такие прописные истины я давно знаю, достаточно пережил мучений, и литературы о вреде алкоголя немало перечитал. Сколько одних лишь статей в газетах появляется на эту тему! Люди кричат, что пьянство – это бедствие и что с ним надо вести беспощадную борьбу. Поистине, не кричат, а вопят!

Алкоголь губит жизни, разрушает семьи, калечит детей! Алкоголик в семье – катастрофа для этой семьи. Идут споры о том, что такое алкоголизм.

«Распушенность», - утверждают одни. «Болезнь», - говорят другие. Но как с ним бороться? Опять дискуссии, дискуссии...

- Запретить продажу спиртного до двенадцати дня...
- Вообще закрыть все питейные заведения!..
- Ввести сухой закон!
- Не надо такого закона. Выдавать на водку карточки! Строго лимитировать... Или устраивать продажу только в праздники...

И так далее, и тому подобное. Шум этих трезвых голосов, взволнованных, страстных, гневных, то нарастает, то затихает. Мне же все это порой начинает казаться никчемным словесным фейерверком. Что такое алкоголизм, какой он вред причиняет, я знаю по собственному горькому опыту. Нам, алкоголикам, есть лишь два пути: серьезное и эффективное лечение, длительная изоляция от алкоголя – либо смерть.

Перечитываю первые страницы дневника, смотрю на часы. Скоро ехать в клинику. Начало дневника мне не очень нравится. Можно бы написать и получше. Ведь когда-то я был журналистом! Правда, теперь и самому как-то не верится. Алкаши не зря шутят: «Если работа и водка мешают друг другу, бросай работу». Так и у меня получилось. Интересную работу пришлось бросить. А потом – кем только я не устраивался! Даже ночным сторожем! Но и оттуда прогнали...

«Гипнотический сон... Аутотренинг... - не выходят из головы мысли. – Что ж, попробую! Авань излечусь!.. Пора собираться в дорогу. Был бы верующим – перекрестился бы!»

Утверждение, будто психиатрия – самая малоизученная область медицины, не совсем правильно. В последние годы эта наука сделала значительные успехи в области раскрытия механизма некоторых психических заболеваний и их лечения. Как и во всякой другой науке, в психиатрии имеются «белые пятна». К их числу относится алкоголизм.

Еще вавилонские жрецы считали, что для избавления от болезни нужно знать ее существо. К сожалению, наука пока не располагает достаточно основательными знаниями существа и механизма алкогольной болезни. Поэтому вполне понятна причина отсутствия надежных способов лечения алкоголика, обеспечивающих стойкий эффект. Алкоголизм пока что является трудноизлечимой болезнью. Лишь немногим больным удастся навсегда избавиться от этого страшного недуга.

Одни погибают во время белой горячки. Другие умирают от побочных заболеваний, которые у них развились или усилились из-за употребления алкоголя. Третьи становятся жертвами трагических происшествий. Четвертые находят свой конец в результате «опоя». У пятых развиваются тяжелые и почти неизлечимые психозы. И только шестым удастся избежать трагической участи. Они поправляются, хотя на их здоровье и остаются более или менее заметные рубцы прошлой пьяной жизни.

Академик Владимир Михайлович Бехтерев говорил: «Вопросы алкоголизма, как наибольшее зло, кошмарно и неотступно стоят перед глазами всякого, кто ближе знаком с его последствиями».

Молодые люди и девушки, только приобщающиеся к спиртному, должны задуматься над вопросами: не слишком ли дорого придется платить за это сомнительное удовольствие? Рано или поздно все алкоголики неизбежно кончают полной психической, моральной и физической деградацией. Ведь привычка к алкоголю вырабатывается незаметно и у разных людей по-разному. Это зависит от типа нервной системы, от характера деятельности и целого ряда других обстоятельств. В частности, люди, перенесшие травму головы, легче привыкают к систематическому потреблению алкоголя, чем здоровые.

Наука пока не располагает методикой, позволяющей определить большую или меньшую предрасположенность к алкоголизму. Любой человек должен относиться к спиртному как к самому опасному яду.

Все напитки, содержащие винный (этиловый) спирт, в том числе брага и пиво, при неумеренном употреблении могут привести к алкоголизму. Поскольку спирт — не только яд, но и наркотик, отвыкнуть от него трудно.

Алкоголизм приносит несчастье не только больному, но и его семье, друзьям, близким. Это большое общественное, социальное зло. С развитием этого зла, как писал Бехтерев, понижается в стране трудоспособность населения, падает его нравственность, растет число душевных и нервных болезней. Вот почему долг каждого честного гражданина — препятствовать распространению пьянства, которое наносит обществу непоправимый вред.

Прихожу в клинику, где надеюсь осуществить последнюю попытку спастись. Ищу указанный номер комнаты. Какая она, приемная загадочного для меня доктора? Наверное, непохожа на все те, в которых я когда-либо бывал? Да, в какой-то мере непохожа. Комната тесная, на столах громоздкие аппараты; мебель скромная; в углу у окна девушка в белом халате что-то взвешивает на аптекарских весах.

- Снимите пальто, садитесь. Доктор освободится и придет.

Скоро он появился. Казалось, чем-то озабочен. Молча приблизился ко мне, подал руку. Я назвал себя. Он с улыбкой заметил:

- За вас очень горячо ходатайствовали. Такую заботу могут проявлять только настоящие друзья... К сожалению, не смогу вас принять, вы пришли слишком рано. У меня сейчас другой пациент.

Я действительно пришел очень рано: боялся опоздать, а часов у меня не было — я их пропил, новые еще не смог купить. Доктор протянул мне два листа бумаги и сказал:

- Вам нужно будет заполнить анкету. Обычно этим занимаются дома, но поскольку у вас есть время, на простые вопросы вы сможете ответить здесь. Сейчас прошу коротко рассказать о вашем заболевании. Меня особо интересует вопрос: с какого года болеете? Лечились ли прежде? Сколько раз? Где? Результаты? Самочувствие в настоящее время? Страдаете ли запоями? Опохмеляетесь ли? Добровольно ли обратились ко мне или под давлением со стороны?

Мне легко было рассказывать доктору о своем горьком прошлом и об отчаянном настоящем, потому что в его глазах я увидел тепло и сочувствие, — смотрел он на меня как на равного, а не как на преступника, врага. Мне уже было известно, что Георгий Иванович, как и я, бывший фронтовик. Все это дало уверенность, что он не станет презирать меня. Я вспомнил некоторых медиков, которые смотрели на меня с нескрываемым презрением, особенно — молодых женщин, вчерашних выпускниц мединститутов. Конечно, я тоже не смотрел на них с восторгом. В мозгу алкоголика злоба иногда возникает словно цунами. Накатывается огромной волной, захлестывая все на своем пути. «Желторотые! Вы не кормили вшей в окопах, не переживали блокадных зим Ленинграда...» Цунами, цунами... И все-таки это ложная волна и буря! Скорее всего, попытки самооправдания, не больше.

Итак, я получил анкету. В верхней ее части указано, что ответы должны быть точными, что лучше не ответить на вопрос, чем дать неверные сведения. О том же особо предупреждает меня и медсестра.

Отвечаю на вопросы. Их около полусотни. И все об одном: о пьянстве. О самых разнообразных его проявлениях и вариациях. Приходится все вспоминать: с чего началось, когда выпил первую в жизни рюмку вина или водки, что при этом почувствовал, как продолжалось далее, как это нарастало, словно снежный ком, пока не превратилось в сущие муки и не возникли суицидные мысли.

Когда заполнялась анкета, доктор и медсестра Лида куда-то уходили. Потом девушка вернулась. Мы немного поговорили. Она мечтает стать врачом. Я смотрел на нее и завидовал. Передо мной было юное создание, еще ничем не испорченное. Вспомнилась статья в газете, озаглавленная: «Где же вы, сестры милосердия?» И мне хотелось сказать девушке: «Станьте медиком приветливым и милосердным. Ведь нет ничего страшнее врача равнодушного и черствого». И опять вспомнились врачи. Вот подходит к моей койке лечащий врач. Высокая, красивая, белокурая. Лицо спокойное и гордое. Следуют стереотипные вопросы. О моем инфаркте — ни слова. Интерес к прошлым

болезням. В детстве – малярия. На войне – тиф. В блокаде – дистрофия. В руках у врача красивая шариковая ручка. Неторопливая и подробная запись в карточку. Формальное прослушивание биения сердца через стетоскоп. Хмурое изречение: «Погубил свое сердце водкой. Бессовестный! Посмотри, на кого похож! Омерзительно быть пьяницей!»

А во мне – опять цунами! Хочется крикнуть в лицо что-нибудь обидное, язвительное.

- Больной, не шевелитесь. Вам нельзя. – Это уже голос сестры. А врач ушла. Да и что ей до больных! Помнит ли она клятву Гиппократа!.. Должно быть, главное в ее размеренной, культурной жизни – прическа, полированные ногти, запах дорогих духов... Никакой она не доктор...

Потом тяжкие размышления, спад, угрызения совести. Бессильная ярость, укрощаясь, конвульсирует подобно подыхающей змее. Да, я ничтожество в ее глазах. И наплевать ей на то, что когда-то в блокадном городе я ловил диверсантов. В то время она, пожалуй, где-нибудь в Казани или Ташкенте играла в куклы.

Но вот подходит невропатолог, моя сверстница по годам. Она не бросает в лицо страшных слов. «Надо перестать пить, - мягко и тихо говорит эта женщина. Смотрит спокойно и даже ласково. – Вы еще не деградировали и пока остаетесь человеком. Не пейте, иначе погибнете».

Спасибо, доктор! Но все это – увещевания. Слова, слова. Они почти не воздействуют. Конечно, во времена запоев фраза «иначе погибнете» сверлила меня. Но так мне говорила и моя полуграмотная мама. Она умерла на моих руках. Я плакал и пил на глазах умирающей: даже в те горестные минуты не мог взять себя в руки.

Порой я готов был погибнуть. Боялся лишь смерти мучительной. Наверное, потому и привязывался веревкой к отопительной батарее. Боялся «выйти» на улицу через окно четвертого этажа. Страшна не смерть, страшно оказаться мешком ломаных костей, но с живым сердцем!

Медсестра Лида неразговорчива. Может быть, так здесь и нужно – быть неразговорчивой. Но взгляд у нее приветливый, ободряющий. Она как бы говорит: «Не все еще потеряно, верьте в лечение, и вы встанете в строй». Ах, как хотелось бы встать в строй человеческий! Я и не заметил, как и когда из него вышел. Пришло равнодушие ко всему. Даже к отдыху интерес пропал, даже пасеку, рыбалку – все, все заслонил алкоголь. Где бы я ни был, что бы ни делал, в мыслях – бутылки, стаканы. Будто вся жизнь сосредоточилась, ушла в эти бутылки. Какая-то неведомая сила неуклонно толкает меня к черной пропасти, заставляет, приказывает пить и пить...

Спрашиваю у Лиды:

- Извините, бывают ли здесь случаи излечения?

Девушка смотрит на меня растерянно и удивленно. Тихим голосом, убежденно и категорически говорит:

- У нас излечиваются все. Я не знаю случаев неудач.

Она как бы возмущена моим недоверием. Отвернулась к окну и задумчиво смотрит на улицу, где плавно опускаются на асфальт пушистые снежинки.

Неужели Георгий Иванович обладает такой противосилой? «У нас излечиваются все!» Как он ухитряется подбирать ключики и отверточки к замочкам и винтикам проспиртованного мозга алкоголика?

С помощью гипноза? А что такое гипноз? Что я почувствую при первом с ним знакомстве? Слышал, конечно, всякое. Почему-то на ум приходят страницы из книги Булгакова «Мастер и Маргарита», его знаменитый Кот. Вообще, гипноз чем-то похож на сногшибательный фокус. По крайней мере, такое сравнение вертится в моем воображении. Однако зачем гадать! Скоро, скоро я его испытаю на себе...

Вошел Георгий Иванович, взял анкету, просмотрел ее, затем сказал:

- На остальные вопросы ответите дома. Постарайтесь это сделать к следующей нашей встрече. Сейчас пройдите со мной в гипнотарий.

Мы идем коридором. Комнаты, комнаты... Их множество. Вернее, множество дверей – белых, чистых, молчаливых, загадочных. Что там, за этими дверьми? На всех висят таблички на шнурках. Мой доктор на ходу переворачивает табличку на своей двери, в которую пропускает меня первым. Я успеваю заметить надпись: «Обследование. Не входить!» Догадываюсь, что меня сейчас начнут испытывать. Может, это больно? Пусть будет больно до крика, до потери сознания, лишь бы помогло.

Гипнотарий состоит из двух комнат, которые разделены толстой стеной и массивной дверью. В передней находятся стол, полка и аппараты. Их много. Задняя комната значительно просторней передней. Здесь помещаются кровати, кресла, небольшой столик со стулом и почти нет приборов.

Доктор сказал:

- Мне нужно проверить некоторые ваши индивидуальные особенности. Сядьте за этот столик, ничего неприятного не будет.

Скоро я услышал магнитофон, который голосом доктора объяснял, что я должен делать. Задача простая: нужно тренироваться на телеграфном ключе.

- Работайте как можно быстрее, - говорит доктор.

Перед этим он показал, как следует держать головку ключа, как правильно сидеть и работать. Потом он справился о моем самочувствии, будто эта работа могла вредно подействовать на мой организм.

Внимательно слушаю магнитофон. Георгий Иванович указывает, когда я должен обивать дробь на ключе, а когда останавливаться. Он же требует, чтобы я повторил инструкцию. Повторяю. Потом последовали сигналы работы и прекращения ее. Так было несколько раз. Затем магнитофон сообщил о том, что моя правая рука будет тяжелеть, сильно устанет и станет плохо подчиняться моей воле.

И вот дверь открылась, я вышел в переднюю комнату. Доктор справился о том, как на меня действовали внушения. Я ответил, что они на меня никак не влияли: ни тяжести, ни легкости в руке не чувствовал.

Доктор справился о том, как я сплю. Я ответил, что уже давно барбамил стал для меня лучшим снотворным, до этого были элениум, демидрол, ноксирон... Без снотворного я вообще уснуть не могу.

- К сожалению, этим страдают очень многие алкоголики, - задумчиво сказал Георгий Иванович. – Вам нужно будет нормализовать сон. Придется походить на процедуры электросна.

- Доктор, молю вас, не откладывайте лечение, иначе я во время подготовки могу сорваться, и это плохо кончится для меня. Я обещаю все наши требования выполнять и совсем не пить. – В моем голосе, наверное, чувствовались неприкрытый страх, отчаяние и мольба.

- Приятно слышать ваши обещания, подкрепленные такой горячей решимостью, - с улыбкой сказал доктор. – Я это буду иметь в виду. Однако во время лечения я не только не запрещаю пить, но, наоборот, многим своим пациентам рекомендую обязательно держать на видном месте алкогольные напитки и, если появится сильное желание, воспользоваться ими. Но... такое желание у моих пациентов не появляется.

Это сообщение еще больше разожгло. Я подумал, что именно такое лечение спасет меня, и с отчаянием сказал:

- Доктор, у меня очень плохое сердце, да и весь организм до предела изношен. Мне совершенно нельзя пить, я погибну. А самостоятельно отказаться от алкоголя не могу. Пробовал не раз, давал себе и другим зарок, клятвы, но скоро снова начинал пьянствовать. Я считаю себя обреченным. Мне многого не надо. Помогите трезво прожить год, даже полгода, и это меня вполне устроит.

- Хорошо, я согласен сразу же приступить к лечению, - сказал доктор. – Прошу твердо запомнить мои условия. Основное, что требуется от вас, - правдивая информация и точность. Людей, уличенных в искажении сведений, я немедленно отказываюсь лечить. Если вам очень захочется выпить, вы можете это сделать, однако обязаны будете информировать меня об этом, указать причину, заставившую прибегнуть к алкоголю, количество и качество выпитого, описать свое самочувствие перед, во время и после употребления алкоголя.

Людей, уличенных в искажении сведений, я немедленно отказываюсь лечить.

Если скроете факт выпивки или неправильно укажете, что и в каком количестве пили, то мы сразу же расстанемся. К следующему визиту вы должны будете представить мне описание истории своего заболевания. Не обращайте внимания на грамматику, стиль и последовательность изложения – меня интересуют факты. Постарайтесь особенно подробно описать состояние абстиненции – те переживания, которые появлялись во время воздержания от алкогольных напитков и которые вынуждали вас вернуться к их употреблению. На каждый очередной сеанс нужно

приходить с дневником. С кем из членов семьи вы находитесь в особо дружеских отношениях? Мне для успешного лечения нужен ассистент, помощник.

- У меня со всеми домашними натянутые отношения. Да и никто уже не верит в мое излечение. Никто не сможет быть ассистентом, - с досадой сказал я. И решил для себя: «Теперь конец вранью, буду говорить только правду, какая бы она ни была».
- Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придется обходиться своими силами. Принимаете мои условия?.. Хорошо. Помните: мне нужны правдивость и точность. У вас есть вопросы ко мне?
- Да, есть. Вы не смогли бы мне коротко рассказать о сущности вашего метода лечения? Я почти никакого представления не имею о лечении гипнозом, да и о самом гипнозе.

Доктор посмотрел на часы и сказал:

- Хорошо, время еще есть, успею.

Метод гипнозосуггестии разработан очень давно, с конца прошлого века он успешно применяется для лечения алкоголиков. Следовательно, метод не является новым и не принадлежит мне. Я лишь внес в него некоторые не принципиальные усовершенствования.

Гипнозосуггестия означает внушение в состоянии гипноза. Суггестия, или внушение, может производиться и в бодрствующем состоянии, однако в сочетании с гипнозом обычно дает более значительный эффект. Иногда даже ученые смешивают понятия «внушение» и «гипноз». Внушение – одна из форм речевого воздействия на человека, а гипноз – одно из состояний организма. Для гипнотического состояния характерны утрата или снижение личной инициативы, преимущественная или полная концентрация внимания на гипнотизирующем факторе, обычно на голосе гипнотизера, повышенное реагирование на его воздействия. Это состояние никакого вреда не причиняет, напротив, иногда его вызывают с лечебной целью. Некоторые даже считают, что гипнотический сон более полезен, чем обычный. К сожалению, до сих пор распространяются искаженные сведения о гипнозе. Так, существует мнение, будто иногда не удается разбудить гипнотика, и тогда он всю жизнь или очень долго спит. Это неверно. Если гипнотика, находящегося даже в глубоком гипнозе, предоставить самому себе, то он через несколько минут, в худшем случае – через несколько часов самостоятельно проснется.

Ходят слухи, будто гипнозу поддаются только слабовольные люди. Это неправильно. Чтобы впасть в гипноз, нужно сконцентрировать внимание на внушении гипнотизера. Маленькие дети и некоторые душевнобольные не умеют сколько-нибудь сконцентрировать внимание, поэтому их не удается загипнотизировать.

Гипнотизация обычно производится путем внушения сна. В гипнозе удается оказать большое влияние на тело и на психику человека. Так, у некоторых людей вызывались ожоги, кровоподтеки, обморожения, кровотечения, рвота, воспоминания давно забытого или забвение хорошо известного, отличное настроение, уверенность в своих силах и т.п.

Посредством внушения, производимого в бодрствующем или гипнотическом состояниях, удается избавлять людей от многих заболеваний, в том числе от алкоголизма, морфинизма, курения и других вредных привычек...

На улице я обращаю внимание на часы. Бог мой! Доктор возился со мной более двух часов. Если так с каждым, сколько пациентов может принять он за день?.. А вдруг я неподдающийся? Будет напрасно потеряно время. Оно было бы спасением для другого! Эти мысли повергают меня в настоящее отчаяние. Пожалуй, в любом другом случае я кинулся бы искать «винницу». Но теперь я медленно иду к автобусной остановке. Никаких винниц! Когда я узнал, что доктор согласился лечить меня, я дал себе слово ни при каких обстоятельствах не пить, пока встречаюсь с ним.

Памятуя наставления одного старого знакомого, выпившего на своем веку невероятное количество водки, я зашел в пирожковую. «Ежели потянет выпить, беги в блинную. Против «Титана» очень хорошая. Бери побольше блинов и сметаны. Ешь и ешь. Очень

помогает. Охотку на питье собьешь. Ей-богу!» – слышался мне его неторопливый басок. Но до «Титана» - далеко. Можно напиться чаю или кофе в пирожковой. К буфету длинная очередь. Впрочем, меня ведь не тянет выпить, чего я испугался? Долой мысли о портвейне и прочем дерьме. Вот автобус, который доставит меня почти до дому.

Из разговора с медсестрой я понял, что у давно пьющего человека в коре головного мозга ряд клеток как бы образует некий своеобразный «алкогольный центр». Этот центр все более становится главной движущей силой в поступках алкоголика, является средоточием звериных инстинктов в голове больного человека. И этот «зверь» руководит, диктует, приказывает! У меня и у самого возникали догадки и ощущения, будто во мне поселился сам дьявол. Однажды после очередного запоя лежал я дня два трупом.

В тот раз у меня началось что-то вроде белой горячки. Я уже знал, что она наступает не во время питья, а после, на второй или третий день. Еще бывает повторная – кажется, на двенадцатый день. Тоже удивительная закономерность. Загадка устройства нашего мозга, тайная его пружина. Когда я лежал и мрачно думал о дальнейшей жизни, перед открытой дверью проплыло что-то огромное. И вдруг я понял, что это такое, и замер. Это была голова. Чудовищных размеров. Без туловища. Она занимала почти всю комнату в шестнадцать квадратных метров, упираясь подбородком в пол и касаясь потолка. Лохматая и седая. Рта и носа не было видно. Ушей тоже. Но зато какие глаза! Они некоторое время сверлили меня, потом стали выдвигаться подобно окулярам бинокля. Я втиснулся спиной в диван, в ужасе глядя на голову и особенно на глаза-бинокли. Они внимательно рассматривали меня, словно букашку под микроскоп...

Я еще не был в полной власти белой горячки и отчетливо сознавал, что видение – бред моего расстроенного, истерзанного разума, что никакой головы на самом деле нет, что это всего-навсего чудовищный мираж. Однако видение не исчезало, оно мучило меня. Но я знал, как его прогнать. Надо немедленно выпить. В серванте стояла водка. До него – четыре или пять шагов. Но как их сделать? Голова загородила собою дверь, ведущую в комнату, где стоит сервант.

Я приподнялся, но чудовище стало угрожающе втискиваться в мою комнату. Я вскочил и, не помня себя, рванулся навстречу голове, осыпая ее проклятиями (дома никого не было), и уже протянул было руку к серванту, но в тот же миг голова накатилась на меня, подмяла под себя. Я ощутил ее жесткие, как щетина, противные волосы во рту, почувствовал вдруг тяжелое удушье и потерял сознание.

Очнулся уже в больнице. В мои ноздри были вставлены резиновые трубки, возле изголовья стоял баллон с кислородом.

- Вы были на грани... - сказал мне потом врач. – Хотели везти в кабинет реанимации. Тяжелейший приступ стенокардии, гипертонический криз... К тому же, вам все время мерещилось что-то страшное, вы метались и кричали...

После больницы, как всегда, неустойчивое состояние. Вначале – меланхолия. Но проходит некоторое время, и однажды я вдруг останавливаюсь перед знакомой дверью с надписью: «Соки, вина, коньяки». Саркастическая ухмылочка появляется на моей физиономии. Разражаюсь длиннейшими тирадами, отборной бранью. «Елки-палки, при чем тут соки? Для дураков?» Как сказал бы Козьма Прутков: «Не верь глазам своим!» Не в ходу здесь соки. Тут пьянствуют!

Кручусь перед витриной и моментально становлюсь самым настоящим холериком. Нетерпение, беспокойство, раздражение нарастают. Влечет, тянет-манит сие заведение. Шикарный, современный дом, построенный по последнему слову техники. Стекло и бетон. За огромной стеклянной перегородкой уютно. Там толпа бражников. Завистливо и зло разглядываю морды. Кто-то морщится, вытирая губы. Кто-то тянет из стакана медленно, смакует. Кто-то отупело уставился мимо меня мутными глазами. А стаканы, в воздухе плавают, плавают... Да, я уже совершеннейший холерик. Маячу, болтаюсь, топчусь возле витрины, трусь возле дверей. Воротник ли, шарф ли стягивает мою шею. Откуда-то из мглы вылетают слова знакомого, никем не признанного стихотворца:

И скульпит окаянная шея
По желанной петле...

Это уж точно, моя шея сейчас скулит. Выплывают лица знакомых врачей, медсестер, нянек, слышатся их глухие, робкие и укоризненные голоса, уговаривающие не поддаваться дурному соблазну. А зверь, поселившийся во мне, ехидненько подзуживает:

- Зайди же, зайди. Я хочу выпить.

Но подзуживает лениво, беззлобно. Пока не приказывает. А может и приказать!

Я держусь, упираюсь подобно козлу, которого ведут на веревке.

«Дурной соблазн... Да пошли вы к чертям, медики!» Этого будто и ждал мой зверь: «Ну вот, молодчина! Теперь иди, быстро! Я ужасно хочу выпить!»

Это уже приказ. И я как будто только его и ждал. Ноги сами вносят меня в теплое помещение...

Через четверть часа шагаю по улице спокойный и словно бы счастливый. Зверь мой уснул как сытый, довольный пес. Так же доволен и я. Шагаю, дышу как хороший легковой автомобиль. Ничто не стесняет шею, волна удовольствия растекается по телу. Я уже не холерик, я сангвиник. Спокоен, уверен, нетороплив. К чертям всяких остороженьких советчиков! «И вовсе никакой ты не алкоголик, - уверяю себя. – Пусть они не выдумывают. Просто ты перебрал в прошлый раз. Ну и, естественно, полезла в башку всякая чепуха. Голова без туловища. Глаза-бинокли». Разбирает ядовитый смешок. Какая муть привиделась! Этого со мной больше никогда не случится. Никогда! Надо только избегать перебора. Конечно, была лошадиная доза: кобыла сдохнет. А ты человек...

И вовсе никакой ты не алкоголик, - уверяю себя. – Пусть они не выдумывают. Просто ты перебрал в прошлый раз.

Замедляю шаги возле «Кафе-мороженого». До перебора – ох как далеко. Недобор – тоже плохо. А пока что явный недобор. Состояние такое, будто, играя в очко, остановился на шестнадцати. И вот, чтобы добрать хотя бы до восемнадцати, надо зайти в мороженицу. Сливочный пломбир и фужерчик сухого – чем плохо? Сухое – оно даже очень, говорят, полезно. Пьют же его в Грузии ведрами, и ничего! Или взять тех же французов. У них, рассказывают, без вина – ни завтрака, ни обеда, ни, тем более, ужина не бывает. И ничего!

Из мороженицы выхожу совершенно бодрый, сильный. Шаги твердые, уверенные, в голове рождаются великолепные планы. Вот придет лето, надо обязательно махнуть на юг. Неловко признаться, что дальше Ростова-на-Дону не бывал, да и туда-то ездил хоронить дядю. Да, конечно, надо съездить на юг. Гурзуф, Сочи, Мацеста, Кисловодск, Одесса, наконец. Везде можно побывать. Разумеется, зиму придется не просто работать, а разматываться на всю катушку или, как говорит мой друг детства, выкладываться!

Настроение – хоть пляши. А что если повидаться с Юрь-Палычем? До Пяти углов – полчаса езды. Идти домой?.. А там что?.. Укоризненные глаза жены? Кроме нытья и вздохов, ничего от нее не услышишь. Да, понимаю, устала, все надоело. Согласен, согласен. А мне не надоело?.. Ладно, будущим летом на юг. Вместе. А сейчас – к приятелю. С ним уютно. Пофилософствуем, сыграем в шахматышки или подкидного дурака...

От меланхолии и следа не осталось. Я – здоровяк, крепыш, бодрячок.

Вон и троллейбус. Однако пропущу его. Прежде все-таки надо забежать в гастроном. Такой уж порядок: к Юрь-Палычу Шелкову пустым являться неприлично. Его хата – коридорообразная комнатенка – вся пропахла винными парами, перегаром. Из каждой щелки в паркетном, никогда не натираемом полу веют эти знакомые запахи. Здесь выпиты цистерны. Этот домашний кабачок давно и метко называется «шелковником».

- Зайдем в «шелковник»? – обычно предлагает кто-нибудь из знакомых.

Стоит ли рассказывать, что происходило дальше? Разумеется, начался новый, очередной запой. Потом – мрак и пустота на сердце, зловещие размышления о тайных силах, накрепко скрутивших меня по рукам и ногам, не дающих возможности жить по-людски, предоставляющих лишь одну свободу – свободу зайти в кабак и напиться. Потом опять галлюцинации, на сей раз звуковые... Кажется, врачи считают их более серьезным заболеванием, нежели галлюцинации зрительные. За нашим домом слева – кладбище. И вот среди ночи с кладбища доносится тихий, размеренный колокольный звон. Силюсь припомнить, есть ли на кладбище церковь. И вдруг поражаюсь: нет же на этом кладбище церкви. Нет! Так откуда же этот колокольный звон?.. Пока пытаюсь понять, откуда, звон колокола начинает слабеть. На смену ему – оркестр. Да, эдакий

маленький оркестрик, какие обычно сопровождают усопшего в последнем пути. Тихо-тихо льется печальная музыка. Да, безусловно, узнаю Шопена, его знаменитый «Похоронный марш» из Третьей сонаты. Как печально! Какая ноющая, как рана, тоска! Вот наша жизнь – человек умер, и ничего ему больше не надо. Никому ничего он не должен. Кто-то сейчас идет за гробом, склонив голову. Может быть, идут десятки людей, любивших и уважавших покойного. Может быть, их совсем немного. Единицы... Постой, постой!.. Но ведь сейчас ночь! Почему же они хоронят его ночью? Да еще с музыкой?.. Нет, тут что-то... Встаю с дивана, включаю свет. Смотрю на часы: без четверти три. Выглядываю в окно. Тусклые фонари. На улице, которая начинается сразу за пустырем, ни одного автобуса, ни одной машины. Тишина. Глубокая ночь. И нет никакой музыки. Что же это такое было?..

- Звуковые галлюцинации, - отвечает мне доктор Иван Петрович Попов, по обыкновению склонив набок голову и кося черным глазом. – Да, милейший. Звуковые. Это-то уж знаете чем пахнет?

Иван Петрович, доктор из Пятой психиатрической, вдруг растворяется, становится невидимкой. Но я его еще слышу. Уже из другой комнаты он повторяет тихо, со вздохом:

- Эт-то уже кое-чем пахнет.

Бегу к умывальнику, окатываюсь ледяной водой. Черт побери, какой еще тут может быть Иван Петрович?! Ведь он в прошлом году умер...

Важнейший признак алкогольной болезни – потребность в систематическом употреблении алкоголя. О том, как сильна эта потребность, как овладевает она больным, как прочно держит его, хорошо сказал древнегреческий поэт Асклепиад:

*Снегом и градом осыпь меня, Зевс!
Окружи темнотою,
Молнией жги, отряхай с неба все тучи свои!
Если убьешь, усмирюсь я;
Но если ты жить мне позволишь,
Бражничать стану опять, как бы не гневался ты.
Бог мною движет сильнее тебя...*

Больной постоянно испытывает все нарастающую алкогольную жажду, и в связи с ней – усиливающиеся абстинентные явления (определенные психические и физические страдания). У него появляется сильное желание выпить; мысли о спиртном становятся господствующими; нарастают раздражительность, подавленное настроение, беспокойство; дрожат руки, обильно выделяется пот, возникают сердечно-сосудистые нарушения, становится плохим сон и т.д. В некоторых случаях появляются чувство страха, полная бессонница, галлюцинации и другие тяжелые расстройства. Ради утоления сильной алкогольной жажды больной может пойти на что угодно: на унижение, обман, воровство. Если нет возможности добыть спирт или водку, пьют одеколон, духи, различные лаки, а некоторые – и керосин.

Небольшая доза спиртного может совершенно преобразить больного – снять абстинентные страдания, вызвать приятное возбуждение. Алкоголик не в состоянии ограничиться малой дозой, не в силах остановиться – и только тяжелая интоксикация и вызванное ею плохое самочувствие (иногда – и потеря сознания) может положить этому конец.

Таким образом, алкоголик с помощью «целебной» дозы спиртного некоторым образом избавляется от абстинентных страданий, но, с другой стороны, испытывает все большую потребность в этом возбудителе.

Нечто подобное случилось и с Журналистом: с каждой «лечебной» порцией спиртного он испытывал все большие мучения, алкогольная жажда становилась неутолимой. Начался запой, а затем и тяжелые галлюцинации.

По мере употребления спиртных напитков (как и других наркотиков) человеческий организм оказывается в состоянии переносить все большее их количество, поэтому пьяница постепенно повышает разовые и суточные порции алкоголя. Суточная доза многих больных равняется литру водки (иные выпивают и до четырех литров!) Достигнув «потолка», переносимость спиртного начинает падать. Организм

алкоголика оказывается настолько искалеченным, что даже рюмка водки может вызвать сильное опьянение.

Достигнув «потолка», переносимость спиртного начинает падать.

Некоторые молодые люди похваляются тем, что могут выпить большое количество водки. Однако это должно не радовать, а огорчать: если организм начал переносить больше спиртного, чем раньше, это первый признак приближения алкогольной болезни. Чтобы избежать тяжелого недуга, надо немедленно полностью – или почти полностью – прекратить употребление алкоголя.

У меня теперь много свободного времени. Чтобы не сорваться в первые дни лечения, никуда не хожу. Понемногу начинаю помогать по дому. Сегодня, занимаясь хозяйственными делами, неожиданно наткнулся на «горбатый» стакан и остолбенел. С этим стаканом у меня связано много лет жизни и печальных обстоятельств. Я давно не видел этого стакана и считал, что его кто-нибудь разбил и выбросил. Но он оказался в дальнем углу буфета.

Впервые такой стакан я увидел в «шелковнике». Хозяин коридорообразной хаты на почве алкоголизма стал изощряться. Он категорически не хотел пить из обыкновенных граненых стаканов, требуя наливать только в тонкие. У себя дома он пил из особого стаканчика, чем-то похожего снизу на конусообразный сапог гитлеровца. Доходя до половины, стенки стакана принимали правильную форму – и он, выглядел как бы надломленным, по чьему-то меткому выражению – *горбатым*. Каждый из нас, будучи пьяным, непременно хотел выпить из этого стаканчика, но его владелец, как говорится, вставал на дыбы. Под конец ему осточертели наши постоянные приставания, Юрь-Палыч где-то раздобыл около дюжины таких стаканов и торжественно дарил их своим постоянным гостям в день рождения. Так владельцами горбатых стаканов стали Сергей Небывалов и Ваня Бантов, Венька Баранов и Генка по прозвищу Роль Медведя, потом еще кто-то. Из женщин: Нина, Катя и Галя. Соответственно: Китаеза, Мамонт в шубе и Принцесса Турандот. Горбатый стакан стал как бы символом нашего своеобразного клана. Мы давно знали друг друга, встречались часто. Иногда, засидевшись допоздна, оставались тут же ночевать. Но поскольку у хозяина не было лишнего матраца или хотя бы половика, ложились прямо на грязный пол – заплесанный, усеянный пеплом и окурками, смахивали ночью с лица бесчисленных, особо злых шелковских клопов. Вылезая утром из этого «чистилища», мятые и грязные, с адской головной болью, мы занимались самобичеванием, давали клятву как можно реже бывать в «шелковнике». Но проходило время, и колдовская комнатка с оборванными обоями тянула к себе неумолимо, словно магнит. У хозяина почти всегда было ровное настроение. Трудно припомнить случай, чтобы Юрь-Палыч, как все привыкли его называть, кого-либо обидел, отказал в гостеприимстве. Если и случалось, очень редко, подобное, то и кончалось тут же миром. Пришелец вынимал из кармана бутылку, и хозяин хаты уже улыбался, услужливо подвигая гостю стакан. Так что бутылка была главным условием посещения «шелковника». И тогда считай, что ты у себя дома. Если хозяин переберет раньше тебя, можешь смело укладываться на его кровать. Сам он останется за столом, положив на его край свою большую, кудрявую голову, и так проспит до утра. Ну а если и проснется раньше, все равно не тронет – Юрь-Палыч на редкость деликатен.

Да, с горбатым стаканом у меня связан миллион воспоминаний, и записывать теперь все в дневник – дело долгое и, по-моему, никчемное.

Во всяком случае, следует посоветоваться еще раз с врачом.

Он дал понять, что чем больше расскажет каждый из его пациентов о том, как дошел до такой жизни, тем больше будет у него материала для изучения проблемы хронического алкоголизма. Но я не знаю, как быть, во всем ли следовать чистейшей правде? Ведь иной раз она не совсем удобна. Вот, например, в анкете вопрос:

«С какого времени вы пили ежедневно или почти ежедневно, еще не подозревая, что становитесь алкоголиком?»

Как тут ответить? Пишу коротко: «Давно пью. Много лет». Ведь не станешь же в анкете описывать войну, фронт и то, как мы получали водку на убитых. И все же у меня главный скачок произошел, конечно, уже в стенах «шелковника». Тут я достиг своего печального апогея.

Поначалу все было как будто прилично. Собирались, веселились, играли в подкидного дурака, иногда в очко. Если приходили дамы, рассказывали всякие забавные истории. Хозяин так и объявлял:

- Тяпнем, братцы, и повеселимся!

Сам он знал великое множество анекдотов и «забавных историй». Надо сказать, порнография в «шелковнике» категорически отвергалась, и когда один не очень постоянный член нашего сообщества, некий Борис Синехоев, попытался вернуть что-то чрезмерно сальное, ему указали на дверь. Это был молодой, но быстро спившийся токарь, весь какой-то синюшный, неприятный. Его прозвали Покойником.

Когда на водку не было денег и начинались лихорадочные поиски кредита, хозяин хаты доставал особый блокнот, в котором у него были записаны сотни адресов и телефонов, снимал трубку, набирал номер. К телефону присаживались поочередно, пока не находили кредитора.

- Позвони-ка Покойнику. Он вчера должен был зарплату получить, - подсказывал «стихотворец» Пека Ендовский. Поскольку прозвища в «шелковнике» были в ходу, Пеку за его экспромты и за его собственное признание, что он стихи не пишет, а «мечет», давно называли Стихометом.

- Надо звонить Стихомету, - советовал в другой раз кто-нибудь. – Он хвастался, что в «Лесорубе» опять десяток строк напечатал, наверняка гонорар выпросил.

Дозванивались Тяп-Лпычу, долговязому молодому человеку с сонным лицом. Такое имя ему дали не в «шелковнике», а в конструкторском бюро, где он работал. У них там было введено это такое наказаньице: за допущенную ошибку фамилию грешника вывешивали на доске, которая называлась «Тяп-ляп». Тяп-Ляпыча привел в «шелковник» Генка. Генкину фамилию вообще никто не знал. Известно было лишь то, что этот рыжеволосый парень некоторое время подвизался на подмостках ТЮЗа. Роль его была необыкновенная. В одной из сцен Генка должен был выбежать из-за кулис в медвежьей шкуре и издать грозное медвежье рычание. По ходу пьесы ему отводилось всего полторы минуты. Пьеса шла успешно и долго, и для Генки эти времена были самыми счастливыми в его странной жизни.

Он отлично освоился со своей ролью и иногда в «шелковнике», вывернув наизнанку шубу Кати, начинал изображать рыкающего медведя. Все были в восторге, особенно женщины. Больше всех шумела сама Катя, прозванная за свой огромный рост, трубный голос и мохнатую шубу Мамонтом в шубе. Но карьера Генки-артиста кончилась внезапно и плачевно. Допившись до белой горячки, он вышел однажды на сцену, не подозревая, что это его прощальный выход. Он играл свою роль в полном несоответствии с текстом пьесы и замыслом режиссера-постановщика: никто ведь не знал, что у него галлюцинации и что он действительно принимает себя за медведя, окруженного толпой чудовищ. Он рычал, визжал, испускал дикие вопли, боролся до остервенения с кем-то невидимым, падал, вставал, кружил и метался по сцене, пока не свалился на головы перепуганным оркестрантам. Генку уволили. Он все реже стал бывать в «шелковнике». Несмотря на грязь и не уют этого клоповника, безденежных здесь не уважали. И Генка постепенно исчез, словно испарился. О нем никто не вспоминал. В нашей компании было что-то недоброе, волчье. Если ты заболел и попал в больницу, не жди, что кто-нибудь из собутыльников принесет тебе передачу. На время твоего отсутствия тебя начисто забывали, а на твое место являлся кто-нибудь другой.

Теперь, отвечая на вопросы анкеты или вспоминая свои ответы, я невольно морщусь. Ну вот, например:

«Как вы относитесь к своим собутыльникам, часто ли с ними встречаетесь?»

Написал-то лаконично: «Не встречаюсь». А ведь на самом деле и встречаться было не с кем. В живых осталось немного.

Все случилось в течение последних трех лет.

Художника Веню Баранова разбил паралич. Вначале отнялись правая рука и нога. А потом Веня отправился на тот свет, где нет «автопоилок» и «шелковников». Стояло лето, и перед окнами квартиры художника цвели на клумбе, ухоженной скупающими пенсионерами, его любимые незабудки.

- Веня, Веня! – прощаясь с покойным, плакала Нина – Китаеза. И только на кладбище мы узнали, что она беззаветно любила Венюку, мечтала стать его женой. Может быть, потому и ходила за ним в «шелковник». Это как-то поразило всех. В пьяном угаре

никто ничего не замечал, все как будто считали друг друга братьями и сестрами. Но, оказывается, была и любовь.

Годом позже удар хватил и драматурга Серегу Небывалова, отнял у него язык. Так и не написал Серега обещанной пьесы, первый акт которой он читал в «шелковнике». Теперь он бродит по улицам родного города, смотрит, слушает, понимает, а сказать ничего не может, только шамкает ртом и бессильно машет рукой.

«Шелковник» быстро пустел...

Пройдет немного времени, и в пьяном виде попадет под автомобиль жгучая брюнетка Принцесса Турандот, получит тяжелые увечья. Ноги ей заменит трехколесная тележка. Вскоре надолго ляжет в «Бехтеревку» обладательница шубы Катя...

Однажды мне встретиться Пека. С его слов я узнаю, что он расстался с Бахусом, возвратил горбатый стакан его прежнему хозяину. Пека видел, как Юрь-Палыч, поседевший и сгорбившийся, давно уволенный с работы, ходит и собирает пустые бутылки, сдает в приемных пунктах и на вырученные деньги живет...

- Эти стаканы, - скажет Пека на прощанье, - дьявольские, колдовские. В них наша погибель. Выбрось, если он у тебя еще цел.

И поспешит распрощаться, спасаясь от меня как от прокаженного. И мне от его исчезновения станет легче. Должно быть, у всех нас выработался какой-то алкогольный условный рефлекс. Встретишь кого-нибудь из тех, кто был в «шелковнике», и ужасно, неодолимо потянет выпить.

«Осторожно, алкоголь!», «Наркотик!», «Уродует и убивает нервные клетки!», «Сокращает жизнь!» Если бы подобные слова стояли на бутылках со спиртным, то, вероятно, не один человек спасся бы от ужасной участи алкоголика.

К сожалению, этого нет. А ведь алкоголь действительно опасный наркотик и яд, при систематическом употреблении пагубно действующий на организм, особенно на нервную систему. Он деформирует, калечит и убивает нервные клетки и мозг. Специальные исследования показали, что мозг алкоголика существенно отличается от мозга других людей: в нем много погибших и отравленных клеток, мелких кровоизлияний; в целом он патологически серьезно изменен, изуродован.

Психическая деятельность – это функция мозга. Перерождение его влечет соответственное нарушение психики, деградацию ее. Частым серьезным психическим заболеванием алкоголиков является белая горячка, о которой неоднократно упоминает и журналист. Она обычно случается после запоя или при внезапном прекращении его. Температура у больного повышается иногда до 40 градусов (отсюда слово «горячка» в названии болезни), пульс учащается в два раза, дыхание изменяется. Больной «видит» страшных, нападающих на него животных (крыс, змей), чудовищ, бандитов; он «ощущает» причиняемые ими страдания и муки, «слышит» угрожающие речи. Во время таких кошмаров больной может совершить тяжелое преступление, убить кого-нибудь или покончить с собой. Одни больные от белой горячки погибают, другие начинают страдать хроническим психозом, третьи с трудом поправляются.

Спирт настолько сильно влияет на человека, что можно говорить об «алкогольной внешности», о психике, характере, морали алкоголика. Если больной не лечится и продолжает пьянствовать, происходит все большая физическая, психическая и моральная деградация, а все это закономерно ведет к трагической развязке. Судя по записям журналиста, почти всех обладателей злополучного горбатого стакана постигла тяжелая участь; художник Баранов погиб от инсульта, Нина покончила жизнь самоубийством, Галя лишилась ног, драматург Небывалов после кровоизлияния в мозг лишился речи, Катя надолго слегла в психиатрический стационар, Юрь-Палыч опустился до уровня босяка.

Смерть почти всюду подстерегает алкоголиков. Непосредственные причины ее бывают подчас совершенно невероятны: одни тонут в уличных лужах, в ручьях или ваннах, другие умирают от удушья, третьи гибнут от отравления спиртным...

Алкоголики погибают, в основном, в тридцать – пятьдесят лет, до семидесяти доживают – по данным известного нарколога И.В. Стрельчука – лишь четыре процента больных. Гибель от алкоголизма стоит в мире на третьем месте после смерти от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний.

Передаю доктору дневник. Он начинает его листать и одновременно говорит мне:

- Сегодня мы проведем первый сеанс гипнозосуггестии. В прошлый раз вы получили общие представления о гипнозе, а теперь вам предстоит познакомиться с ним практически. Ваша задача проста: прослушать информацию по магнитофону, запомнить ее, сосредоточить – по возможности – внимание на усыпляющем звуке (вы узнаете сейчас, что это такое) и заснуть. О постороннем старайтесь не думать, почувствуйте себя спокойно и свободно. Засыпать особенно не старайтесь: все должно быть естественно. Не уснете – ничего плохого не будет: это проведению лечебного сеанса не мешает...

Доктор включил магнитофон. Я услышал два разных по высоте звука. Тут же прозвучало разъяснение: один из этих звуков – усыпляющий (две тысячи пятьсот герц), другой – пробуждающий (двести пятьдесят герц). Скоро погас свет, закрылась дверь и вновь раздался тихий, тонкий звук, чем-то напоминающий сигнал проверки времени (только этот – непрерывный). Я подумал: «От такого поневоле уснешь – да еще в темноте, в тишине и в полном одиночестве...»

Сначала чувствовал себя бодро, потом как-то незаметно потянуло на сон – и я уснул, но некрепко. Через некоторое время услышал голос Георгия Ивановича: началось внушение. Было какое-то странное состояние, будто спишь и не спишь, лень было пошевелиться, внимание сосредоточилось, слова как бы впивались в мозг – и то волновали, то успокаивали, то радовали...

Раздался «пробуждающий» звук – и сонное состояние как рукой сняло. Было легко и приятно на душе. Я рассказал Георгию Ивановичу о своем самочувствии, потом спросил:

- Какой же это гипноз, если я дремал и все слышал? Да и бывает ли он – настоящий? Увидеть бы такой!..
- Вы находились в состоянии очень слабого гипнотического сна, - ответил доктор. – В порядке исключения, а еще – в награду за добросовестное и подробное ведение дневника могу показать вам больного, у которого удастся вызывать более глубокое гипнотическое состояние. Сейчас он должен прийти на прием.
- А у меня вы сможете вызвать настоящий гипноз? – не удержался я.
- Не обещаю. И вот почему. Между людьми существуют значительные различия по гипнабельности, то есть по степени подверженности гипнозу. У некоторых людей глубина гипноза с первого сеанса остается неизменной, у других она в течение первых сеансов возрастает, а затем делается стабильной. Смогу ли я вызвать у вас более глубокую стадию гипноза – зависит, в основном, от особенностей вашего мозга. Однако, если вы самовольно не прервете лечение и будете точно выполнять мои рекомендации, то, независимо от вашей гипнабельности, вы поправитесь...

Его речь прервало появление в гипнотарии очередного больного.

- Юрий Николаевич. Мой новый пациент, - знакомил нас доктор. – Вы не будете возражать, если он останется здесь с нами? Благодарю. Ну, сядьте, расскажите о себе...

Больной начал рассказывать. Георгий Иванович слушал внимательно, потом произнес какие-то слова. Больной замолчал, выражение его лица изменилось, подвижность взгляда пропала.

- Продолжайте, я вас слушаю, - сказал доктор.

Больной продолжил свой рассказ, но тут вошла Лида и что-то шепотом сказала Георгию Ивановичу. Тот обратился к пациенту:

- Юрий Николаевич, я вынужден отлучиться. Поскольку лечебного дневника вы не ведете, то возьмите диктофон, подготовьте его к работе и расскажите о своем самочувствии, о важных событиях личной жизни за последнее время.

Доктор вышел. Больной взял диктофон, поставил его на стол и уверенно начал что-то делать с длинными проводами. Я спросил:

- Что это за магнитофон такой маленький?

Ответа не было. Я повторил вопрос громче, потом почти выкрикнул, но пациент даже глазом не моргнул. Я подумал, уж не глухой ли он, но вспомнил, как минуту назад он совершенно нормально разговаривал с доктором. Я еще дважды пробовал завязать разговор, но безуспешно. Больной включил диктофон и начал рассказ. От нечего делать я стал записывать его.

«После ряда сеансов, - говорил пациент, - у меня появился хороший аппетит, крепкий сон. Намного улучшились отношения дома, стали водиться в кармане деньги. Раньше, как только завелось копеек пятьдесят или рубль, - нет покоя: хочется скорее сбежать с завода и пропить деньги. Теперь совсем нето. Даже антиалкогольной агитацией иногда сам занимаюсь: ребят своих в цехе частенько уговариваю, чтобы не выпивали; с молодыми парнями – так, между делом – говорю о том, что пить опасно: можно стать алкоголиком.

Сам совсем не пил, даже в праздники. После сеансов всякие выпивки стали противны, даже от мысли об этом начинает тошнить...

Вошел доктор и спросил, не скучаю ли я.

- Что вы, - ответил я шепотом, - я с интересом слушаю. Он, видно, все-таки недоволен, что я здесь: не захотел разговаривать со мной, не отвечал на вопросы.
- Нет, причина в другом: он в гипнозе и посторонних раздражителей, кроме зрительных, просто не воспринимает. Вас он не слышит, так что можете не шептать – говорите как угодно громко...
- Я все-таки не пойму, что же это за гипноз, если человек не спит, - с недоумением заметил я. – Ведь само слово «гипноз» означает сон.
- Правильно, но не совсем, - ответил доктор. – Гипноз – это особое состояние мозга, при котором он специально настроен на восприятие определенного раздражителя или комплекса раздражителей. Например, мозг Юрия Николаевича был настроен на восприятие моей речи и некоторых специальных сигналов, а теперь своим приказом я лишаю гипнотика возможности воспринимать и мою речь, кроме его имени... Ничего другого он не слышит. Вот ударьте-ка кулаком по столу – он не шевельнется.

Я сильно ударил по столу, но пациент не отреагировал.

- Ну, а теперь я назову его по имени... Юра, - тихо сказал Георгий Иванович.

Больной сразу же поднял голову, посмотрел на доктора.

- Вы слышали стук, шум? – спросил доктор.
- Нет. Только вот сейчас вас услышал.

По указанию доктора я стал считать вслух. Когда дошел до пятнадцати, доктор сказал пациенту:

- Посмотрите внимательно, есть ли в комнате кто-нибудь кроме нас?

Пациент медленно и внимательно осмотрелся и назвал меня. Я продолжал считать.

- Теперь вы будете слышать и его голос, - приказал доктор. – Что вы сейчас слышите?
- Этот человек считает.
- Повторяйте за ним.
- Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, - протяжно повторял за мною пациент.
- Достаточно, - прервал больного доктор. – Принесите, пожалуйста, из кабинета брошюру Федотова. Она лежит на книжной полке.

Больной ушел.

- Пока он ходит, - сказал Георгий Иванович, - я закончу прерванный рассказ о гипнозе. В последнее время установлено, что существуют три разновидности гипнотического состояния: одна – это комбинация гипноза со сном, другая – с бодрствованием. У Юрия Николаевича вызвана вторая разновидность, при ней я и произвожу ему лечебные внушения.
- А как вы вызываете этот бодрствующий гипноз?
- Сначала использовал специальные приемы, а теперь – условно-рефлекторные сигналы. Ну а третья разновидность гипнотического состояния...

Тут вошел гипнотик и принес брошюру. Доктор открыл ее и предложил больному прочесть места, отмеченные карандашом. Кое-что из прочитанного пациентом я запомнил.

... В Древней Греции пить не разведенное водой вино считалось уделом раба, недостойным свободного гражданина. По законам Солона за повторное пьянство архонты предавались смертной казни. В Древней Индии брамина за пьянство заставляли пить кипящие жидкости. Женщине за то же выжигали на лбу клеймо и прогоняли на вечные скитания. Магоммет запретил употреблять алкогольные напитки, поэтому его последователи уже двенадцать веков - трезвенники. На Руси пили очень мало, только в праздники варили мед, пиво и брагу крепостью 5-10 градусов. Пьянство считалось позором и грехом...

Затем доктор продолжил беседу с больным. Меня удивило, что когда говорили о семейных взаимоотношениях, пациент спорил со своим гипнотизером и возражал ему: значит, воля у него не парализована и он не является рабом гипнотизера (а ведь многие постоянно говорят об этом мнимом «рабстве»).

Случилось пре неприятнейшее дело: мне предстоит посетить психиатрическую больницу. Я получил письмо, в котором один мой знакомый по «шелковнику» слезно просил навестить его. Он холостяк, родных и близких у него нет, кроме восьмидесятилетней тетки. В больнице он, оказывается, уже давно. Он пишет, что находится в ней седьмой раз. Новый заведующий отделением не хочет отпускать моего друга.

«Помоги, ради бога, поговори с заведующим, уговори его как-нибудь. Иначе я сойду здесь с ума!» – пишет дружок. Это уже не просто просьба, а крик души! Наверное, он и впрямь не вынесет, если его решили держать там год-два, чтобы отвадить от алкоголя. Еще он просит пронести в «загашнике» пачку папирос. Это означает, что я должен буду ловко передать ему папиросы в тот миг, когда мы оба будем вне поля зрения медперсонала. По своему опыту я знаю – сделать это не так-то просто. Это ведь не обычная больница, а психиатрическая...

В нашу поднадзорную палату поступил однажды новичок. Кажется, эксперт по судебной медицине.

Его положили на койку № 21 у самой двери.

- Ох и не понравится этому эксперту, когда очухается! – заметил кто-то.

Принялись гадать, переведут или не переведут медика на другую койку: все-таки он для здешних врачей как бы свой человек.

- Своего пожалуют, - говорил один.

- Ни черта, - утверждал другой. – Здесь полное равенство.

- Уважат. Ей-богу, уважат, - твердил Кондрат, самый старший мужик в палате, у которого белая горячка повторилась на двенадцатый день и которого посему случая прозвали Повторником. Клички здесь приклеивались, как мухи к липкой бумаге.

- Насчет того, что «своего уважат», Повторник ошибся. Когда эксперт очнулся, он удивленно обвел глазами большую палату, очевидно, плохо соображая, где находится и откуда взялись эти небритые, синюшные, сизоносые рыла.

- Где я? – слабым голосом спросил медик.

- На курорте, - хихикнул кто-то.

Он посмотрел на открытую дверь, возле которой на стуле сидела няня, попросил пить. Няня тяжело поднялась, принесла кружку воды. Напившись, эксперт сказал:

- Переведите меня на другую койку.

Этого, казалось, няня только и ждала:

- Чегось?.. – выпрямилась она во весь свой немалый рост. – На како-таку ешо другу тебе койку?

Бедняга болезненно сморщился. Он все еще не мог, наверное, понять, что ничем не отличается от остальных обитателей палаты.

Вслед за экспертом «скорая помощь» доставила еще двоих с горячкой. Сестры и няни надежно спеленали их простынями, как младенцев, и накрепко привязали к койкам. Впрочем, оба лежали относительно смирно. Больше страдал парень атлетического сложения. Его звали Юрой. Он стонал, болезненно кусал губы, страдальчески морщился и дня два не приходил в сознание.

- Это Юрка, - сердито говорила медсестра, насильно вливая ему в рот глоток воды, - выпрыгнул из окна. Вот до чего допился, идиот несчастный! Боже, и как только жены терпят таких?..

У Юрки сломаны обе ноги, правая рука, три ребра, а самое главное – поврежден позвоночник.

В порядке исключения к Юрке была допущена жена. Миловидная женщина испуганно смотрела на окружающих. Когда же она увидела мужа, глаза ее наполнились слезами. Юрка и сам не выдержал, расплакался. Его ожидали долгие мучения. После нескольких дней (если не повторится белая горячка) его переведут в травматологическую больницу. Уже все отделение знало Юркину историю. Среди ночи в его комнату «ворвались бандиты с ножами».

- Юра, за тобой пришли! Беги, Юра!..

Он вскочил и с размаху сиганул в окно, с третьего этажа, выбив в двойных рамах стекла. Порезался, к удивлению, совсем немного. И упал, или, как здесь говорят, приземлился не на асфальтовую дорожку, что возле стены дома, а на рыхлый газон с цветами.

Другой новичок был на год старше. Юрке – двадцать два. А тому – двадцать три. У него были забинтованы руки. Он охотно рассказал свою историю.

- Сразу после ПТУ устроился на денежное местечко. Признаюсь, подобралась компания. Втянулся я. Пил почти каждый день, и ничего со мной не случилось. Утром похмелюсь пивком и работаю. А тут черти погубили. Да! Махонькие этикие, что тебе козявочки. Однако вижу – чертенята. Мордочки корчат, и рога крошечные у них на лбу. Бегают по рукам. А мне занято на них глядеть и в то же время страшновато. Бегали они, бегали и вдруг разом повпивались в тело, как все равно пиявки. Я их стряхивать – никак! Я их выковыривать! И – никак! Впились глубоко, кровушку сосут. Ах вы, гады! Кипятком бы вас, да ить руку ошпаришь! Метался я, метался, вспомнил: на шкафу бритва лежит. Еще батька покойный ее мне подарил. Но я ею не брился, потому как щербинка в самой середине образовалась, кусочек металла выкрошился. А какая, скажу вам, бритва! Ну, хоть щербатая она, а конец-то острый. Я и давай этим концом чертенят выковыривать...

Окровавленного, с изрезанными руками, доставили его в больницу.

Так рядом с Юркой и лежали они недели две. И все это время вокруг них да вокруг эксперта разговор вертелся. Время в больнице тянется нудно, медленно. От завтрака до обеда. От обеда до ужина. Ленивый разговор кое-как заполняет эти долгие промежутки. Скука, тоска. Проклятия водке, горестные думы. Наверное, и мой приятель занят тем же. Отправляюсь в магазин. Самое необходимое – масло, сахар – я ему, конечно, принесу. Придется и папиросы – в «загашнике». Но как не хочется туда идти, в эту психиатрическую!

Он, конечно, уже давно переведен из поднадзорки в общую палату. Там условия получше. Прежде всего не сидит перед больными недремлющая няня, готовая в любой момент схватить и скрутить всякого, кто попытается нарушить режим. Такие няни подобраны одна к одной - хлесткие на слово и, главное, с крепкими мускулами. В общей палате чувствуешь себя относительно свободней. Когда я лежал последний раз в общей палате, соседи подобрались у меня любопытные. Напротив, через узкий проход между койками, лежал молодой инженер-экономист. Спокойный, симпатичный внешне Вадим Корнетов. Он тяжело переносил тетурамовую разрядку.

Что это такое?.. Сказать откровенно – тяжкая штука.

Вначале тебя напичкают таблетками тетурама, потом дадут тридцать граммов водки. Все назначенные на разрядку не без оснований могут считать этот день основательнейшим испытанием в своей жизни.

Медсестры и врачи наготове. В палате, где проводится разрядка, висится гора кислородных подушек: не исключено, что у больного может начаться кислородное голодание. На тумбочке у дежурящих медсестер стоят никелированные ящички с заправленными шприцами. Все-все приготовлено, чтобы оказать больному необходимую помощь...

Кровяное давление у некоторых резко падает. Лица бледнеют. Тут больному и делают облегчающие его состояние уколы. Потом лицо его становится красным. Тоже нелегкое испытание...

Не сразу приходят в себя после разрядки...

Алкоголизм лечить трудно, прежде всего потому, что больной боится даже непродолжительное время переносить абстинентные страдания (хотя они подчас довольно слабы) и нарушает рекомендации врача, прибегая к спиртному. Подобного рода «дегустации» завершаются, как правило, устойчивым пьянством – иногда даже более сильным, чем прежде. Известны случаи, когда люди стойко держатся по десять-пятнадцать лет, но стоит один лишь раз нарушить «алкогольную диету», как болезнь возвращается. Другие начинают и проходят курс лечения до двух десятков раз, а результат (в силу той же причины – хронического безволия!) остается прежним.

Можно выделить пять методов лечения алкоголиков: психический, фармакологический, физический, хирургический и комбинированный.

Алкоголизм – заболевание психическое; лечебное воздействие предпочтительно оказывать прежде всего на психику. Психический метод включает в себя многие формы воздействия: убеждение, демонстрацию специальных фильмов, беседу и т.д.; большой эффект дают суггестия и – особенно – гипнозосуггестия: они подавляют абстинентные явления и потребность в алкоголе, нормализуют сон и аппетит, увеличивают производительность труда. К этому методу относятся также аутотерапия (самолечение) и заочное лечение (оказание терапевтического воздействия на больного без личного контакта с ним – по телефону, письмами, через радио, телевидение, печать). Психический метод наиболее эффективен, дешевле и полностью безвреден. Он таит в себе большие возможности, однако для широкого их выявления требуются специальные научные исследования, причем не отдельных энтузиастов, а крупного коллектива работников.

Большое распространение имеет фармакологический метод, суть которого заключается в приеме медикаментов (апоморфина, эметина и других). С помощью таких лекарств у больных обычно вырабатывается условный рефлекс: и вид, и запах, и вкус, и самый акт питья спиртного вызывает тошноту. В последние годы широко применяется тетурам, имеющий много «рабочих» названий: дисульфирам, тиурам или – самое распространенное – антабус. Это лекарство, по существу, не оказывает вредного действия на организм (если его правильно принимать, не употребляя при этом алкоголя); механика его действия такова: у людей, принимающих антабус, даже небольшая доза спиртного (25-50 граммов водки) вызывает обычно головную боль, удушье, резкое падение кровяного давления и т.п. В записках журналиста несколько преувеличена опасность так называемых алкоголь-тетурамовых провокаций, проводимых в лечебном учреждении. Однако, если во время тетурамового лечения, продолжающегося от двух до трех лет, больной по своей инициативе примет алкоголь, то вероятность трагического исхода резко возрастает. Именно поэтому перед началом антабусотерапии у больного и его родственников берут расписку в том, что за последствия алкогольного невоздержания лечебная организация ответственности не несет.

Физический метод имеет в виду использование физио- и гидротерапии (франклинизация, кварц, хвойно-соленые ванны, душ Шарко и т.д.), физкультуры и физического труда.

Хирургический метод имеет пока весьма ограниченное распространение. Суть его состоит в проведении хирургических операций (за рубежом, например, делали лоботомию – опасные операции – на мозге алкоголиков).

Комбинированный метод – как явствует уже из самого названия – предусматривает комбинацию двух или большего числа методов.

Вот я и побывал в знакомом отделении психиатрической, поговорил с доктором. Приятеля моего на днях выпишут. Узнав о результате моего ходатайства, он весь засветился. И у меня появилось чувство облегчения: как-никак, а выполнил просьбу отчаявшегося человека. Между прочим спросил его:

- Выйдешь отсюда и, наверное, сразу «малыша» купишь?

Он замотал головой, помрачнел.

- Seriously, не будешь пить?

От этих слов лицо дружка передернулось как от зубной боли.

- Зачем спрашиваешь? Разве ты сам не знаешь, только ли от меня все зависит.

- Н-да... Опять расписку будешь давать?

- Что расписка! – печально усмехнулся товарищ. – Если бы дело было только в расписке! Семь разрядок прошел. Ужаснейших, скажу тебе. Конечно, как вырвусь на свободу, голова закружится от удовольствия. А насчет водочки – надо завязывать. Накрепко. Иначе – амба.

С радостью я вышел за ворота больницы. Сегодня отличный воскресный денек. На улице многолюдно, как летом. Даже старики вышли погулять. На углу продавщицы мороженого и пирожков бойко предлагают свои товары. Я остановился, зажмурился от яркого зимнего солнца, невольно думая о тех несчастных, которые остались за глухими стенами огромного, мрачного здания. Мой приятель, можно сказать, отделался легким испугом. А ведь мог из поднадзорки попасть не в общую палату, а в седьмую! Из нее уже

только один выход – на кладбище. Притом, в этой седьмой, страшной палате, куда помещают неизлечимых, можно пробыть эдак годиков десяток, а то и больше.

Иду по улице к метро, смотрю на людей, думаю: «Счастливые вы! Наверное, даже не знаете, что происходит вон там, за теми стенами, как там завершают некоторые свой жизненный путь».

И в метро меня все еще кружит водоворот нахлынувших чувств: радости за спокойных, крепких, добрых людей, заполняющих вагоны, печали за тех, кто остался там, за стенами...

Дома меня ждет «сюрприз». Открываю дверь, а за столом сидят два старых приятеля по «шелковнику», перед ними бутылки и закуски.

- А-а, трезвенник! – поднимаются оба, протягивая руки. – А мы тебя заждались...
Садись, шарни стаканчик.

Жена смущенно смотрит мне в глаза.

«Кто будет агитировать вас выпить, - слышу голос доктора, - гоните прочь. Это не друзья ваши, а враги».

- Ты что, в самом деле завязал?.. Молодец! Однако одну рюмаху с нами опрокинешь...

Что, не будешь? Брось ломаться. Одна стопка для тебя ерунда, что слону дробина!

Бой длится долго. Они прикладываются к стопкам, кричат, морщатся. Каждый раз, наполняя их, помутневшими глазами вопросительно смотрят на меня. Лица у них из благодушных стали обидчиво-кислыми. Наконец сдаются. Потому сдаются, что опорожнены все бутылки, а денег больше нет. Пристают с просьбой к Вере, она категорически отказывает.

- Ладно, мы уходим. Больше угощать тебя не будем. Живи как ангел!..

Погуляли по комнате, бессмысленно поводя глазами.

- Ага, не будем! – бормочет один.

- Он сам к нам прикатит, и сам попросит, - говорит другой.

- Ага, прикатит и скажет: «Братцы, ну их, медиков, к хрену! Давайте вздрогнем!» И выхватит из кармана полбанку!..

Эта мысль приводит обоих в неопишуемый пьяный восторг.

- Га-га-га!.. Ха-ха-ха!..

Весело-злой смех еще долго звучит в моих ушах, как будто слышится с улицы. Я вроде бы спокоен и все-таки расстроен. Жена, смотрит на меня настороженно и немножечко грустно. Она еще не уверена, что я одержу победу. А я преисполнен решимости победить. В противном случае – смерть. Третьего пути нет.

Между прочим, сегодня у меня особая дата: месяц трезвой жизни!

Конечно, если похвастаться перед каким-нибудь непьющим человеком, он не поймет. Другое дело – «шелковник». Там поняли бы.

Клятва, данная самому себе, - не риторика. Одно воспоминание о кошмарах бросает в дрожь. Я теперь все чаще всматриваюсь в людей. Очень много встречается молодых парней, как принято сейчас говорить, «слегка поддавших». Так хочется объяснить им, что их ждет в будущем, если не перестанут шутить с этим делом. Но как это сделаешь?

Клятва, данная самому себе, - не риторика.

Попробуй подойди вот к тому лохматому незнакомцу с пудовыми кулачищами и заговори с ним о вреде алкоголя. Рыжий, взъерошенный, с отвисшей нижней челюстью и мутными глазами, он качается у дверей магазина, рычит на встречных:

- Не будите во мне змея...

И люди от него шарахаются.

Глядя на пьяных, все чаще думаю, что мало у нас произведений искусства, направленных на борьбу с алкоголизмом.

На моей книжной полке лежат две книги: роман Шошмина «Возвращение в жизнь» и брошюра Алексеева «Великий обманщик». Есть еще сугубо медицинские книги, тираж их ничтожен. Широкая публика их не читает. Эти книги – для специалистов. Не помню ни одной кинокартины, в которой не вскользь, а прямо в лоб критиковалось бы и осуждалось пьянство, его ужасные, зачастую трагические последствия, - скорее показывается обратное. Стало таким эталоном моды, что ли, в каждом фильме давать сценки выпивок, причем пьют люди разные: дипломаты, ученые, разведчики, герои, красивые женщины. Глядя на них, молодые люди тоже, по мере своих финансовых возможностей, начинают пить. И вовсе не подозревают, что начало общения с алкоголем это и есть начало пути к трагедии. Ведь людей, пьющих всю жизнь и

умирающих в конце концов своею смертью, очень мало. Пьющих непременно ждет трагический конец.

Начало общения с алкоголем это и есть начало пути к трагедии.

Развилась болезнь. Попал под трамвай. В состоянии сильного опьянения подрался, нанес противнику увечья, угодил в тюрьму. И так далее, и тому подобное. Сотни, тысячи случаев и вариантов...

Трезвый видит пьяного как бы с высоты. Теперь я трезвый и вижу пьяных повсюду. Возле пустыря, что перед моим домом, часто курсирует милицейская машина. Подбирает лежачих, транспортирует в медвытрезвитель. Иногда вижу, как не стоящий на ногах человек пытается оказать милиционерам сопротивление. Картина жалкая и мерзкая. Между прочим, кто-то рассказывал мне, что в Мексике или в Канаде распространен такой способ урезонивать пьяниц: если человека подобрали на улице и отправили в вытрезвитель, вся эта процедура тут же в подробностях запечатлевается на киноленте – как валялся, как поднимали полицейские, как ругался мерзкими словами. Создается своего рода хроникальный мини-фильм. Потом «герою» на экране показывают его похождения. Протрезвившийся должен смотреть на экран, видеть себя и, наверное, испытывать тяжелейшие угрызения совести, если, конечно, совесть у него еще есть. Повторная демонстрация фильма производится, если человек попадает в вытрезвитель вторично. Тогда фильм получит дополнение при новых съемках, иногда с более гнусными сценами, и на просмотр теперь уже приглашают всех родственников и знакомых пьяницы. Если же рецидив случается в третий раз, бывший мини-фильм становится полнометражным киножурналом, который затем показывается во всех кинотеатрах перед демонстрацией основной картины, причем все расходы по созданию такого фильма, конечно, относят за счет главного героя. Разве не мудрая постановка дела? Хорошо бы этот опыт взять на вооружение в наших медвытрезвителях! Кое-где у нас еще живет боязнь, нежелание назвать алкоголизм своим именем. А между тем пьянство не утихает, оно разгорается все шире и опасней. В газетах, правда, часто и настойчиво стали писать об этом.

А вот на киностудиях, в издательствах, редакциях журналов кокетливо отворачиваются. Но ведь фактам надо смотреть в глаза, как бы неприглядны они не были.

Слух о моем выздоровлении дошел и до Юрь-Палыча. Решив в этом удостовериться, он неожиданно приехал вечером, когда мы только что вернулись с Верой из кинотеатра. Вошел в квартиру он как-то нерешительно, по обыкновению своему, как бы чего-то стеснясь. Вид у него робкий, улыбка виноватая. Я смотрю на Юрь-Палыча. Он жутко обносился. На голове старая-престарая шапка – вида такого, будто эту шапку, играючи, терзали собаки, а потом про нее забыли, бросили, а Юрь-Палыч подобрал. На дворе зима, а это какая-никакая, но шапка. Из головных уборов у него, насколько мне известно, еще имеется берет, тоже весь жеванный какой-то и давно потерявший свой цвет. Чудом сохранившийся габардиновый китайский плащ совсем не греет когда-то ладную, а теперь дряхлую фигуру. На ногах – допотопные, чиненые-перечиненые ботинки.

- Заехал повидаться, - протягивает руку Юрь-Палыч.

Мы давненько не виделись. Пожалуй, с того дождливого дня, когда хоронили Китаезу. Тогда, помнится, на лестнице мы раздавили «малыша» (поминки по Нине не справлялись) и печальные разошлись по домам.

Замечаю: Юрь-Палыч ссутулился, и очень побелела его голова. Лоб изборожден морщинами, под глазами водянистые мешки.

Он тоже рассматривает меня. Улыбаясь, показывая свой беззубый рот, произносит знакомые слова:

- Ты подозрительно хорошо выглядишь!

Мы оба смеемся. «Подозрительно хорошо!» Когда-то в «шелковнике» у пьяных это выражение вызывало сущий восторг. Катя – Мамонт в шубе даже в ладоши хлопала, когда входил кто-нибудь в коридорообразную комнатенку и хозяин встречал гостя этими словами.

- А ты, приятель, выглядишь подозрительно плохо, - говорю я уже без улыбки.

Лицо Юрь-Палыча как бы потемнело и сразу постарело от моих слов.

- Да, знаю.

- Не работаешь?

- Не берут.

- Все-таки как же ты существуешь?

Юрь-Палыч щерит черный, беззубый рот:

- Ныне, как известно, хлеб в иных столовых не прячут, ешь сколько хочешь! Даже с горчицей можешь и с солью. Ну а щей захочется – иду в распивочную. Пару пустых бутылок подкараулить можно, если, конечно, работает тетя Паша. Если же убирает Алевтина – лучше носа не кажи: шваброй, стерва, дерется...

«Разве это жизнь?» - мрачно размышляю я.

- Надо что-то придумать, Юрий Павлович! – говорю резко.

Он устало усмехается:

- Ничего не придумаешь!

Вера собирает на стол. И когда появляется селедка с колечками лука, филе морского окуня, соленые грибы – преддверие к борщу и плову, Юрь-Палыч вскакивает: «Ах и закусь!.. Ты уж меня извини, я сбегая за четвертинкой. Осталось еще от пенсии...» С этими словами он поспешно отправляется в гастроном. Из окна мне виден стеклянный наш магазин и человечек в смешной шапке, смешно, по-стариковски, семенящий к нему. В руке у него нелепо болтается пустая сетка. Ее пришлось взять потому, что карманы брюк и плаща давно порвались, и Юрь-Палыч зашил их наглухо.

- А ведь умный человек был! – вздыхает Вера. – Если бы не водка, мог бы занимать крупную должность.

Мне неприятны эти ее разговоры о «крупных должностях». Она знает это, но забыла и сейчас спохватилась, взглянула на меня тревожно. Такие ее взгляды тоже меня не радуют. Она все еще боится, как бы я не вышел из себя и не начал снова пить. Так ведь всегда бывало раньше: любой повод к досаде, раздражению – и затем как бы закономерный исход: бутылка!

Успокаиваю жену:

- Не бойся, пить не тянет. Нисколько.

Возвращается Юрь-Палыч. Осторожно поругивает власти за подорожание водки.

Я достаю горбатый стакан, ставлю его перед Юрь-Палычем. Вначале он изумлен. Потом глаза его наполняются слезами.

- У тебя сохранился?.. – полушепотом спрашивает он. Спрашивает как бы испуганно и в то же время восхищенно.

- Как видишь!

- А Пека Ендовский говорил, что ты выбросил этот стакан. И сам он винит стакан в своих бедах, однажды вернул его, да я нечаянно разбил... А теперь Пека все равно глушит водку.

Юрь-Палыч поспешно наполняет горбатый стакан, кладет в тарелку закуски.

Он быстро пьянеет, в глазах исчезает голодный блеск, на лице появляется добрая улыбка. Он сидит с таким выражением некоторое время, потом, как бы вспомнив обо мне, тяжело поворачивается, спрашивает:

- Ты Ревекку помнишь?

- Ревекку?

- Ну да. В прошлом году она у тебя от бандита-мужа на даче пряталась.

- А-а, как же! А что?

- Скверная штука!.. – Юрь-Палыч опускает голову.

Прошлой осенью в «шелковнике» я встретил маленькую, худенькую, черненькую женщину. Она редко появлялась в «шелковнике». Пила много. Была задумчива и печальна, мало разговаривала. Много курила. В тот день пожаловалась, что муж грозит задушить ее.

- Как Отелло свою Дездемону? – пошутил кто-то.

Но Ревекке было не до шуток. Мы узнали, что она вышла замуж за инвалида, прописала его. Оказалось, он вернулся с Севера не из обычной командировки. Безногий уголовник вскоре принялся за свое.

Он уже не раз напивался и избивал Ревекку, а теперь угрожал расправой.

- Я домой не пойду, буду ночевать на вокзале...

Тогда мы и решили на время спрятать Ревекку на моей даче. Было еще не холодно, и кое-какой запас продуктов оставался в пустом доме. Особенно много было яблок. Я как-то находил еще время между попойками и больницами немного заниматься своим любимым делом – садом и пчелами. Это, как говорят ныне, мое хобби. Ревекка прожила на даче больше месяца. Она подружилась с нашей соседкой тетей Клавой, которая живет там круглый год и держит корову. Тетя Клава вдоволь снабжала Ревекку парным

молоком. И маленькая, худенькая женщина ожила, поправилась. Но дни становились все короче, длиннее вечера, шли проливные осенние дожди. Дачный поселок совсем опустел, разъехались последние пенсионеры, и жить одной в доме стало тягостно. Ревекка заскучала и вернулась в город. Она оставила мне на столе благодарственное письмо – писала, что никогда не забудет моей доброты. Больше я ее не видел. Теперь, услышав от Юрь-Палыча ее имя, я, естественно, рад был узнать, как она поживает, и насторожился, когда он произнес: «Скверная штука».

- ... Так вот, он все-таки ее убил.

- То есть, как – убил?!

- А так... Когда она вернулась с твоей дачи. Зарезал, гад.

Я замер, не находя слов. Вера растерянно смотрела на Юрь-Палыча.

- Как же так? – спросила она.

- А так, - повторил Юрь-Палыч. – Зарезал, и все. Он же бандит! Напился и зарезал... И зачем она выходила за него, вот это непонятно. Пьяная, что ли, тоже была? Жила бы одна...

Юрь-Палыч тяжело вздохнул, поднялся, собираясь уходить.

Я все еще был ошеломлен, сообщением о гибели Ревекки.

- Ну, я пойду. Спасибо за угощение!

- Слушай, ты хотел бы бросить пить?

У меня мелькнула мысль уговорить как-нибудь доктора Георгия Ивановича полечить моего приятеля.

- Нет, - ответил Юрь-Палыч. – Зачем?

- Как зачем?

- Чтоб прожить лишний пяток лет? Для чего? У меня нет никаких целей, нет жены, нет детей. И мне ничего не надо. Хочу лишь одного: чтобы ко мне ни кто не приставал, не интересовался, как я живу. И, в общем-то, остается уже немного. Совсем немного.

Я удрученно выслушал его. Пожалуй, впервые я видел такого стойкого алкоголика. Другие еще как-то барахтаются, что-то пытаются доказывать, как-то лечатся. Вот я, например. Вылезаю из страшного болота, бегу от смерти. Может быть, мне тоже не надо этого делать?.. Нет, надо! У меня есть еще тяга к жизни, желание делать что-то полезное. Ну, на большие дела я уже, наверное, не гожусь. Потеряны лучшие годы, отданы водке. А кое-что я еще могу, ну хотя бы разводить пчел и учить этому искусству других – например, ребяташек.

У меня есть еще тяга к жизни.

Они так иной раз ко мне льнут! Все-то их интересует, все они хотят знать.

А вот Юрь-Палыч уже ничего не хочет. Мне стало страшно.

- Возьмите вот это, - подает ему Вера увесистый сверток. Она собрала колбасу, рыбу, упаковала в целлофан селедку. – Дома сделаете бутерброды.

- Конечно, конечно. Спасибо! – Юрь-Палыч поспешно взял пакет.

- Все-таки ты подумай, - напомнил я. – И если хочешь лечиться, сразу приезжай ко мне, вместе отправимся к Георгию Ивановичу.

- Нет-нет, незачем. Поздно... Кстати, я как-то не верю, что тебя не потянет иной раз выпить. Интересно, а что случится, если ты выпьешь?.. – Он лукаво засмеялся.

Встреча с Юрь-Палычем, его нежеланием и слушать о каком-либо лечении, рассказ о Ревекке долго не давали мне покоя. Я уснул далеко за полночь – все думал и думал о судьбах многих неплохих людей, которых погубила водка.

Я сочувствую алкоголикам: это тяжелые больные с незавидными, иногда просто мрачными перспективами.

Среди них встречаются люди талантливые, а в пору трезвости даже приятные в общении, если только спирт не успел еще окончательно убить их способности, иссушить знания, не испортил характер и не уничтожил какие бы то ни было понятия о морали. Но я думаю о том, что никакие относительные человеческие способности и заслуги, пусть еще и дремлющие в больном, не помешают мне считать пьяницу преступником, достойным серьезного наказания, если он занимается алкогольной «агитацией», соблазняя людей (особенно – лечащихся или излечившихся от пристрастия к спиртному) на выпивку.

К сожалению, подобного рода добровольные «агитаторы» у нас очень распространены (неоднократно приходилось выдерживать их «штурм» и журналисту). По вине таких субъектов, как старые приятели журналиста по «шелковнику», рушатся последние надежды семьи больного, даром пропадают труд медиков и материальные затраты общества (один курс наркологического лечения в стационаре стоит немало: в среднем – 200 рублей).

Юрь-Палыч спросил на прощанье журналиста: «Что случится, если ты выпьешь?» Этот вопрос заинтересовал и самого больного. Можно предсказать почти наверняка: случится запой – и тяжелый. Один мой пациент за уступку старым друзьям-алкоголикам заплатил двадцатидневным запоем, едва не убившим его. Между тем у этого человека – он только начал лечение – потребность в алкоголе была подавлена, соблазна выпить он не испытывал и до первой рюмки чувствовал себя хорошо. Этот больной, как и журналист, почти не поддавался антиалкогольному внушению: у таких людей выработать с помощью внушения резко отрицательную реакцию на алкоголь не удастся.

Есть другие, хорошо внушаемые пациенты: после выработки соответствующей реакции они расплачиваются за "дегустацию" спиртного физическими и психическими страданиями - тошнотой, плохим настроением и т.п. Помню, как-то пришел ко мне на прием больной, которого последний раз мы видели около полугода назад. Оказалось, что, почувствовав значительное улучшение после первых сеансов гипнозосуггестии, он «признал себя вполне здоровым» и решил прервать лечение. Затем на каком-то торжестве он поддался уговорам друзей - и логичный финал: едва отойдя через день от мук, он, похудевший, с печатью страданий на лице, прибежал в клинику с просьбой избавить его от болезненного самочувствия и продолжить лечение...

Те, кто уговаривает бывшего или лечащегося алкоголика вновь причаститься к выпивке, независимо от их образования, служебного положения, ученых титулов, чинов и рангов – являются людьми дефектными в культурном и моральном отношении, людьми, склонными к самодурству и насилию (разве навязывание человеку спиртного напитка, который ему вреден, опасен – не есть самодурство и насилие!). Алкогольные «агитаторы» достойны презрения и ненависти: если таковой окажется с вами за одним столом и попытается проводить свою пагубную пропаганду – поставьте его на место или просто выдворите вон, не обращая внимания на его возраст, пол или заслуги. С такими субъектами церемониться нельзя! Споевшие ими люди совершили не одно преступление, многие стали калеками, многие – матерыми алкоголиками, а иные обрели гибель...

И вот прошел еще месяц. Жизнь моя изменилась неузнаваемо. Как будто я вылез из какой-то жуткой трясины или проснулся после долгого кошмарного сна. Недавно зашел в спортивный магазин, увидел в продаже капроновые сети. Вспомнилась рыбалка, даже повеяло на меня запахом реки, ароматом кувшинок и белых лилий. Счастливые ведь бывали деньки! И все это я как-то незаметно потерял... Дороговата сеть, но купил. Деньги мало-помалу стали появляться в моем кармане. Почти ликвидирован длинный список мелких долгов: пришлось покататься по городу из конца в конец, возвращая кредиторам трешки, пятерки, десятки. Некоторые уже и забыли об этих деньгах, потому что знали: получить долг с пьяницы – дело немыслимое. Поэтому многие встречали меня с удивлением. У всех единодушное мнение, что я здорово изменился «с тех пор». Говорят, что на лице у меня хороший румянец, исчезла одутловатость и опухлость, стали ясными глаза. И сам я весь, по их словам, стал другой...

За этот минувший месяц, второй месяц новой жизни, раза три ездил на дачу. Одна такая поездка случилась в теплый, совсем не зимний день. Температура повысилась до четырех градусов. Этим моментом я и воспользовался – купил сахарного песка, сделал сироп, открыл ульи и удачно подкормил пчел. Ведь они были мной почти заброшены. Да если бы только заброшены! Хуже. Ограблены! Я не преувеличиваю. А произошло это так. В погожий июльский денек лежал я в саду и загорал.

Но зверь, сидящий во мне, дремал беспокойно – уже несколько раз лениво напоминал, что неплохо бы сейчас выпить, хотя бы «маленькую». Я как бы возражал ему: жарко, мол, и нет ничего противней теплой водки. А он спорил, находил веские аргументы – мол, для чего же колодец на участке? И в самом деле, на участке колодец с отменной

водой. Обычно, когда собиралась компания, мы наполняли сетку-авоську бутылками, привязывали веревочку и опускали на самое дно колодца. Потом доставали. «До чего же приятно сидеть под деревцем в тени и пить холодную водочку. Вокруг жарыща, а от водки ледком веет. Ах, как хорошо!» – поддразнивал меня этот зверь. И я сдался, чуть ли не бегом бежал в магазин, боясь, что водки вдруг в продаже не окажется. К счастью, или, точнее, к несчастью, водка в магазине была. Все было сделано как по заказу. Пока авоська плавала на дне колодца, я готовил закуску. На дачу я приехал один, никто не мешал, не торопил, не уговаривал и не отговаривал. Настроение было хорошее, хотя и немного тревожное. После прошлогоднего инфаркта было чего бояться. Решил выпить только «маленькую» – так сказать, быть умным, знать меру. Стопку – до осмотра пчел. Две – после.

Давно не заглядывал в ульи. Пора узнать, что там делается, в пчелином царстве-государстве. Когда-то пчел у меня было много – четырнадцать семей. Теперь остались только две. Покойная мама как-то сказала, буквально перед смертью: «Пчелы, сынок, у пьяниц не водятся. Бросишь пить, и наладится все на твоей пасеке. Не бросишь – всех пчел изведешь». Меня тогда разозлили ее слова. Я знаю много народных примет и слышал народную молву насчет пчел, совсем другую. Не у пьяниц они не водятся, а у плохих людей! Сказал об этом матери. Она печально посмотрела на меня: «А разве пьяницы – хорошие люди?»

Мама, мама... Теперь хожу я по дачным дорожкам-тропкам, по которым ходила ты. Думаю о тебе, и сердце сжимается болью. Как я порой грубил тебе и мучил тебя! Почти ни разу не приласкал. Недавно нашел в кусте жасмина твою палку – ты опиралась на нее и, должно быть, однажды забыла, когда рвала цветы, или кто-нибудь забросил ее туда. Пьяные компании вытворяли на даче всякое, устраивали настоящие «концерты» – на потеху соседям, на срам моей семье... Сейчас ты тоже посмотрела бы на меня с грустью: собрался осматривать пчел, а сам пью. Но прости, я только стопку. Только одну.

Но прости, я только стопку. Только одну.

Я положил в дымарь кусочек бересты, поджег ее, сверху на потрескивающий огонек набросал мелких сухих гнилушек. Надел сетку, открыл улей. Стараясь не дышать в пчелиное гнездо, стал вынимать сотовые рамки. Пчелы не терпят запаха водки, так же как запаха лошадиного пота. Рамки были тяжелые, соты полны меда. В некоторых рамках – килограмма по четыре. Отлично поработали мои букахи! Надо приехать с женой и откачать мед. По ведру с каждой семьи наберется.

После осмотра допил «маленькую», походил по саду. И, как это бывало почти всегда, захотелось выпить еще. Так захотелось, хоть плачь! А денег нет. Осталась мелочь на обратный билет. Где разжиться? Спрашивать у соседей? Не дадут. Знают, для чего мне деньги нужны.

Но прости, я только стопку. Только одну.

Торопливо считаю мелочь. Увы, не хватает двадцати копеек. Как же быть? Продавщица знакомая, но тоже не даст без двадцати копеек. Тоже знает меня.

Но разве нельзя проехать без билета? Я еще не так плохо выгляжу, одет прилично. Неужели ревизор не поверит, если скажу, что выронил билет? Да и не всякий раз ходит ревизор.

Чем больше я размышлял об этом, тем сильнее хотелось выпить. Внезапно мне повезло. Калитку отворила дородная тетя Нюра. Она медленно плыла по дорожке. Покачала головой осуждающе – за то, что земля под кустами не обработана. Пропела грудным голосом:

- Э-эх, не стало стариков, и сад твой захирел... А смородину-то опять заморозки погубили. Кажинный год губят...

Наконец приблизилась, в упор посмотрела на меня, словно проверяя, пьяный я или трезвый, спросила:

- Меду продашь? Страсть сердце ноет. А в город ехать неохота...

От растерянности я рот разинул. Вот где выход из моего затруднительного положения! Мед продать! Я смотрел теперь на тетю Нюру как на ангела. Должно быть, прекраснее этого чудовища в юбке в те минуты для меня не было никого на свете. И как я сам не догадался? Ведь вот же, как все просто!

- А я вижу – дым у тебя, значит, думаю, пчел шурует, мед вынимает. Погода вон какая!

Однако я скромно дал понять, что медом не торгую, но баночку для нее налью, ввиду ее болезни.

- Нутко зайду я после обеда, - пропела она. – Еще в магазин надоть, а то начисто обесхлебали, куска к обеду нет.

Ждать до обеда? Честно говоря, я испугался, и тут же, отбросив все условности, сказал:

- Да и у меня ни крошки! Поехал – ничего не взял, а деньги в другом кармане оставил. Так что давайте за мед деньги, а потом приходите с баночкой.

Нюра заколебалась, взглянув на меня как-то искоса, снизу наверх, одним глазом, как курица: мол, знаю, зачем тебе деньги! Сильно окая, всплеснула руками:

- Да нету у меня с собой, потом получишь.

«Черт побери!» – разозлился я. Однако сдержанно усмехнулся:

- Не за семь верст живете – я провожу.

Вышли за калитку.

Я плелся за тетей Нюрой. Мысли сосредоточились на том, что вот получу сейчас деньги, сбегая за поллитровкой и выпью, не экономя жалкие капли.

А потом откачаю мед из одной семьи. Из другой же буду выкачивать, когда приеду с Верой. Пусть жена порадует: хоть и пьет муж, а пчел не забывает, и они у него в отличном состоянии.

Вышло же, однако, все не так, как хотелось.

Толстая Нюра невероятно долго рылась в своих карманах и кошельках, словно издевалась надо мной. Я стоял у дверей, как нищий, и ждал. Наконец она достала деньги и вопросительно на меня уставилась.

- Тебе сколь денег-то?.. Почему продаешь мед-то?..

- Не продаю я мед, - не очень ласково ответил я. – Просто уступаю вам из-за вашей болезни.

Она как будто пропустила мимо ушей мои слова и не замечала моего тона:

- А все мы больные... У каждого свое. Может, тебе денег-то не надоть?.. Может, водкой возьмешь? Я знаю... У меня водка-то есть.

«Что она знает?» – невесело подумал я, но церемониться было незачем.

- Возьму водкой.

Все в поселке знали, что Нюра всегда держит водочку. В случае нужды, поздним вечером или даже ночью, бегали к ней и, конечно же, не возмущались, что в такое время Нюрина водка была намного дороже.

- Я знаю, - опять сказала Нюра и полезла в старинный буфет, кряхтя и охая.

К своему дому я уже не шел, а бежал.

Вторую «маленькую» я выпил залпом. Снова разжег дымарь, приготовил медогонку, подогрел пчеловодный нож, чтобы легче было распечатывать соты, и приступил к делу. Через полчаса все было кончено. Эмалированное ведро до краев наполнилось янтарной густой жидкостью. А вскоре приплыла и Нюра. В руках ее была литровая банка. Я, конечно, уже был пьян, но не забыл, что в литровую банку меда входит полтора килограмма и цена ему, конечно, не полтора рубля. Но препираться с Нюрой не захотел. Едва она ушла, как явилась тетя Аня, тоже отменная толстуха. Она напомнила мне, что весной моя жена брала у нее ведро семенной картошки сорта «негус», и стала расхваливать свою картошку, явно клоня к тому, чтобы я продал ей меду. «Картошку жена брала, конечно, за приличную цену», - хотел было я возразить, но промолчал. Зачерпнул меду тем самым черпаком, которым наливают щи и который в армии метко зовут «разводящим», налил половину банки.

- Мало, - захныкала тетя Аня. – Наливай уж полную, разочтемся... При этом она полезла куда-то себе под фартук, не торопясь вынула «маленькую». Я был уже хорош, как говорят алкоголики. Хотел было возразить, что ведь это настоящий грабег – брать за «маленькую» полтора килограмма чистейшего меда, но не смог.

Я выпил еще одну четвертинку и лег спать, но тут одна за другой начали являться еще какие-то старушки, тонкие и толстые, высокие и маленькие, горбатые и прямые.

Все они что-то говорили про болезни, ставили на стол свои банки и, видя мою беспомощность, сами наполняли их медом, откуда-то, словно из-под земли, доставали водку, хвалили погоду, что-то толковали о боге и божьих тварях. Ночью у меня был тяжелый приступ стенокардии. В Ленинград меня привезли знакомые на своей машине, и я неделю провалялся в постели. А потом в знак благодарности за то, что они меня

больного доставили в город и сами вызвали врача, я выкачал мед из другого улья и отдал этим людям.

Теперь я вспоминаю, как ограбил своих пчел, как не мог дать им осенью даже подкормки, потому что с трудом собранные на сахар деньги внезапно пропил. Пчелы держались на том меду, который они собрали осенью. Его было мало и на зимовку не хватило бы. И, конечно, слова покойной матери могли сбыться, пчел бы я извел. Но вот теперь выдался теплый зимний день и позволил дать подкормку. Точнее же говоря, не теплый день позволил это сделать, а то обстоятельство, что зверь мой, очевидно, сдох.

Утверждение журналиста, будто «зверь его сдох», слишком оптимистично. Он, к сожалению, не сумел полностью избавиться от таких характерных для многих алкоголиков черт, как повышенная самонадеянность, легкомыслие, нарушение обязательств. Говорю об этом не без основания: едва почувствовав себя хорошо, автор публикуемых заметок решил, что вполне поправился, и на четвертый сеанс гипнозосуггестии не явился. Это плохой симптом...

В процессе систематического пьянства у человека вырабатывается не только потребность в алкоголе, но и привычка «заливать неприятности» хмельными напитками. Нечто подобное произошло с журналистом: от алкогольной потребности пациент после лечения избавился (потому-то и выдержал успешно не одно испытание!), но вот привычка уходить в пьянство от травмирующих психику обстоятельств – осталась. Уничтожение или по крайней мере сильное смягчение этой привычки было намечено на четвертый, не состоявшийся сеанс гипнозосуггестии. Если бы он состоялся, можно было бы с большей долей уверенности смотреть в будущее журналиста, но больной самовольно прервал лечение, а раз так, то исключить рецидив алкогольной болезни невозможно. А ведь нельзя забывать главного условия: если хочешь избавиться от недуга (особенно такого, как алкоголизм), точно выполняй рекомендации специалиста и обязательно доводи лечение до конца!

Низкий берег, поросший ивняком, неширокая тихая речка с торчащими из воды коричневыми, гладкими валунами, редкие кувшинки. Отдаленные голоса кукушек в глубине леса, где черемуха переплелась с молодыми соснами. Ленивая перекличка собак. Рокот автомобиля, промчавшегося по шоссе. И опять гулкая тишина.

Я сижу на скамейке возле дома. На этой скамейке, бывало, сидели мои старики. Обидчиво посматривали, если я был пьяный. Последнее время уже не пытались меня отговаривать – скорбно молчали...

Сижу и смотрю на отцветшие пионы на клумбе, на бутоны расцветающих астр, на ярко-фиолетовые и розовые свечи иван-чая у забора.

На душе тихо и покойно. Пьяная, жуткая жизнь ушла, кажется, лишь вчера, хотя прошло около года. Над головой висит белое горячее солнце. От земли тянет дурманящей прелью. Наливаются яблоки, свисают от тяжести ветви. Немало хороших дней провел я в этом тихом уголке, но все кажется, будто только что вышел из вагона шумного, быстрого поезда. Еще снятся тяжелые сны, будто я по-прежнему брожу по удушливым забегаловкам, слушаю грубую брань и дурацкие разговоры невменяемых алкоголиков. Просыпаюсь в мучениях, и тогда кошмары отступают, а во всех мускулах расплывается сладкая истома и тепло от сознания, что все это было только во сне, что теперь у меня все совсем-совсем другое, что я никогда не вернусь в ту страшную жизнь.

Наплывают думы о старых товарищах. На прошлой неделе был у Юрь-Палыча. По делам надо было мне съездить к Пяти углам. Я и решил зайти к нему. Если трезвый, возьму к себе на дачу, пусть поживет. Если же пьян и ехать не захочет – верну ему горбатый стакан.

Юрь-Палыч лежал на своем выдавшем виды диване, тихо стонал. Он был бледен и небрит.

- Запой?

Он ничего не ответил, продолжал стонать.

- Вызову врача...

Он еле-еле шевельнул головой:

- Не надо... Отправят в психиатрическую... Оттуда не выпустят... Я скоро умру. Не надо...

Сжалось сердце. До чего довела человека водка, будь она сто крат проклята!

- Ты сможешь поехать со мной на дачу?

Он отрицательно качнул головой, глядя на меня тоскливыми глазами. Я отвернулся, не мог на него смотреть: страшно!

- Мешают... три черные руки, - заговорил он слабым голосом. – Они из пола вылезают. Мешают... Закрою глаза – трогают мои веки. Не дают уснуть. Я устал... Не могу больше... - Он всхлипнул, но и плакать у него не было сил.

Что же делать? У Юрь-Палыча галлюцинации. Он один в квартире. Среди гробовой тишины.

- Я знаю... руки мне лишь кажутся... Но они мешают... Купи, может, в последний раз, купи «маленькую». Я усну тогда...

- Я могу купить, но что будет потом? Ты сам знаешь, что станет еще хуже...

- Все равно купи, - со стоном выдавил он, и слезы выкатились из его блеклых глаз.

Я выполнил его просьбу. Он пил водку из горбатого стакана. Скоро ему стало легче.

- И все-таки умирать не хочется, - признался он, вздохнув.

Я понял: теперь он не отказался бы от лечения. Юрь-Палыч дошел до рокового предела.

Но что я мог сделать? Чем помочь?

Был бы Георгий Иванович в городе, я как-нибудь уговорил бы его, на колени бы встал и уговорил. Но доктор из Ленинграда уехал.

Вскоре Юрь-Палыч уснул.

Я прислушиваюсь к тишине, смотрю на кружащихся перед ульем пчел, а вижу небритого, бледного спящего человека, недопитую четвертинку на табурете возле дивана и одинокий горбатый стакан...

Низкий берег, поросший ивняком, неширокая тихая речка, желтые кувшинки, отдаленные голоса кукушек и гулкая тишина...

Вопросы к дневнику № 47

Для работающих по проблеме алкоголизма и курения

(Заполняется перед сном)

1. Имя, дата, время начала написания дневника.
2. Мои мысли о повести «Горбатый стакан»?
3. Как я считаю, почему погиб от спиртного Леонид Семин?
4. По какой причине запрещено использовать пищевые добавки в методе Шичко?
5. Почему нельзя использовать внушение в состоянии бодрствования и гипноза в методе Шичко?
6. Почему алкоголизм считается «неизлечимой болезнью»?
7. Что может алкоголику дать надежду на полную трезвость?
8. В чем состоит гениальное открытие Геннадия Шичко?
9. Есть ли у меня желание помогать другим освободиться от вредных привычек? Есть ли у меня вопросы к инструктору?
10. Радость, которой хочу поделиться в дневнике?